ОСЫ.

КОМЕДІЯ АРИСТОФАНА.

Стихотворный переводъ

Н. И. Корнилова.

Съ примѣчаніями.

Подъ ред. и съ предисловіемъ

Ѳ. Г. Мищенка.

КАЗАНЬ.
Типо-литографія Императорскаго Университета.
1900.

Печатано по опредѣленію Историко-Филологическаго Факультета Императорскаго Казанскаго Университета.

Деканъ *А. Смирновъ.*

Предисловіе.

Не столько самый судъ присяжныхъ, сколько пристрастіе къ нему аѳинянъ осмѣиваетъ Аристофанъ въ комедіи „Осы" въ лицѣ Филоклеона, т. е. друга Клеона, и сердитыхъ, больно жалящихъ осъ, товарищей героя по отправленію судебныхъ обязанностей. Увлеченіе судомъ поэтъ изображаетъ какъ своего рода умопомѣшательство, отъ котораго и рѣшилъ излѣчить стараго судью сынъ его, ненавистникъ Клеона. Учрежденіе суда присяжныхъ и поддержаніе въ аѳинянахъ интереса къ нему представлены въ комедіи дѣломъ народныхъ вожаковъ, которые жалкою подачкою въ три обола за участіе въ судѣ надуваютъ народъ, держатъ его въ кабалѣ, а сами обогащаются на его счетъ, властвуютъ надъ нимъ и надъ многочисленными союзниками. Однако чего-либо похожаго на критику общественнаго учрежденія комедія не даетъ; еще меньше занимаетъ автора возможность замѣны суда присяжныхъ какимъ-либо инымъ учрежденіемъ, болѣе отвѣчающимъ его собственнымъ взглядамъ на правосудіе и на обязанности его исполнителей. За то помимо своего желанія комикъ ярко отмѣчаетъ важный историческій фактъ: то первенствующее положеніе, какое принадлежало аѳинской геліэѣ, или дикастеріямъ, суду присяжныхъ въ политической, общественной и даже частной жизни аѳинскихъ гражданъ въ его время. Простой гражданинъ въ роли судьи, бѣдный старикъ, въ положеніи члена многолюдной судебной коллегіи становился грозою для всякаго виновнаго, предметомъ самаго заботливаго вниманія со стороны

богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ и цѣлыхъ государствъ, находившихся въ союзѣ съ аѳинской республикой:

„Могуществомъ нашимъ любому царю мы ничуть, ничуть не уступимъ,—

говоритъ Филоклеонъ:

„Самъ сенатъ и народъ, затрудняясь порой въ разрѣшеніи важнаго дѣла,

„Усмотрѣнію присяжныхъ судей предаетъ подсудимыхъ особымъ декретомъ...

„Самъ горластый Клеонъ, оглушающій всѣхъ, только насъ не грызетъ какъ собака,

„А могучей рукой отъ напастей хранитъ, надоѣдливыхъ мухъ отгоняя“ (549. 590. 596).

Къ суду присяжныхъ много разъ возвращается Аристофанъ и въ другихъ комедіяхъ. Такъ, во „Всадникахъ“ Пафлагонецъ, т. е. Клеонъ обращается къ простодушному Дему, т. е. аѳинскому народу, съ увѣщаніемъ бросить наконецъ разбирательство дѣлъ въ судѣ, пойти лучше въ баню, поѣсть, выпить, взявши свои три обола. Онъ же называетъ всадниковъ старыми геліастами, товариществомъ тріобола, которое онъ, Пафлагонецъ, кормитъ своими обличеніями; теперь они обязаны помочь ему. По словамъ комика въ „Мирѣ“, аѳиняне только тѣмъ и занимаются, что судятъ (ст. 505); Стрепсіадъ въ „Облакахъ“ до тѣхъ поръ не повѣритъ, что на картѣ въ указанномъ мѣстѣ находится его родной городъ, пока не увидитъ тамъ засѣдающихъ въ судѣ присяжныхъ (ст. 207); даже въ царствѣ птицъ въ комедіи того же имени съ названіемъ аѳинянина неразрывно соединяется представленіе объ его судейской дѣятельности. Въ „Лисистратѣ“, въ „Женскомъ вѣчѣ“ и др. комедіяхъ авторъ мимоходомъ касается суда присяжныхъ. Словомъ, комедіи Аристофана, при всемъ нерасположеніи автора къ предмету насмѣшекъ, не оставляютъ въ читателѣ сомнѣнія въ огромной важности суда присяжныхъ въ Аѳинахъ и въ такомъ же интересѣ аѳинянъ къ

этому учрежденію. Аристофанъ не раздѣлялъ этого настроенія гражданъ и съ присущимъ ему остроуміемъ и язвительностью высмѣивалъ его недостатки, издѣвался надъ смѣшными проявленіями пристрастія аѳинянъ къ суду, хотя и не отмѣтилъ ни одной такой отрицательной черты, которая заслоняла бы собою его положительныя стороны, или которая оправдывала бы его общій взглядъ, будто судъ присяжныхъ въ Аѳинахъ имѣлъ въ своемъ основаніи только обманъ съ одной стороны и легковѣріе и ослѣпленіе съ другой. На самомъ дѣлѣ для демократической республики было бы гибельно и для гражданъ ея предосудительно не увлеченіе судомъ, но равнодушіе къ нему и безучастіе. Въ „Законахъ“ философъ Платонъ усваиваетъ своему предполагаемому государству ту же систему народнаго суда, какая была въ Аѳинахъ и теперь извѣстна намъ болѣе точно изъ „Аѳинской республики“ Аристотеля. По словамъ Платона, тотъ не гражданинъ, кто держится въ сторонѣ отъ народнаго суда (Leg. p. 768). Судъ присяжныхъ, болѣе или менѣе многолюдный по своему составу, былъ исконнымъ учрежденіемъ въ греческихъ общинахъ, своими началами восходившій къ родовому быту и существовавшій въ Гомеровскомъ обществѣ; разница въ этомъ отношеніи между историческими періодами въ одномъ и томъ же государствѣ и между различными государствами въ данный періодъ сводилась къ размѣрамъ участія гражданъ въ судѣ и въ степени энергіи, какую въ этомъ дѣлѣ проявляли граждане. Общины демократическія должны были идти впереди другихъ. Въ подобномъ судѣ заключался надежнѣйшій оплотъ демократическаго устройства. Многолюдныя судилища, кромѣ аѳинскаго, извѣстны намъ въ Милетѣ, въ Митиленѣ, въ первомъ 600 судей, во второмъ 883, и на о-вѣ Родѣ; въ Аѳинахъ изъ 6000 гражданъ, ежегодно избираемыхъ жребіемъ и дававшихъ клятву судить согласно съ законами или съ опредѣленіями народа и думы, а за отсутствіемъ таковыхъ согласно съ требованіемъ своей совѣсти, не допускать ни отмѣны частныхъ долговъ, ни передѣла земли,

набирались судьи тоже съ помощью жребія для отдѣльныхъ судилищъ въ числѣ не менѣе 200 человѣкъ; извѣстны составы судилищъ въ 400 судей, 500, 1000, 1500, 2000, 2500. Солона Аристотель называетъ творцомъ аѳинской демократіи, потому что онъ предоставилъ народу участіе въ вѣчѣ и судѣ; право народнаго суда принимать и рѣшать жалобы на постановленія должностныхъ коллегій и отдѣльныхъ должностныхъ лицъ, дарованное народу Солономъ, Аристотель называетъ наиболѣе демократической мѣрой: „ибо разъ только народъ имѣетъ въ своихъ рукахъ верховный судъ, онъ дѣлается и верховнымъ правителемъ (Аѳинск. республ. 9) Однако Солонъ не былъ революціонеромъ; онъ, по его же словамъ, далъ народу столько силы, сколько подобало, не убавляя его правъ и не пріумножая, а по словамъ Аристотеля, онъ только возстановилъ исконное народное управленіе (*δημοκρατίαν καταστῆσαι τὴν πάτριον*). Окончательную организацію демократіи, сохранявшуюся и въ его время, Аристотель пріурочиваетъ къ 403 г., когда олигархія Тридцати была низвергнута и демократическое устройство возстановлено. „Вершителемъ всѣхъ дѣлъ“, говоритъ онъ, „народъ содѣлалъ себя самого и все направляетъ опредѣленіями вѣча и судами, благодаря которымъ онъ является властелиномъ, ибо къ народу перешли и тѣ судебныя дѣла, какія вѣдалъ сенатъ; мнѣ кажется, что аѳиняне поступаютъ въ этомъ отношеніи правильно, потому что денежными выгодами и искательствомъ легче искусить немногихъ, нежели народъ“ (41). Такимъ образомъ вѣнцомъ всего зданія аѳинской демократіи былъ народный судъ присяжныхъ. Такъ смотритъ на него Аристотель; этимъ отношеніемъ и можно объяснить себѣ его особенное вниманіе къ этому учрежденію, то, что въ своемъ трудѣ объ аѳинской республикѣ онъ отводитъ суду такъ много мѣста, находя достойными записи самыя повидимому незначительныя подробности организаціи суда, а тщательная выработка этой послѣдней въ видахъ дѣйствительнѣйшаго достиженія

цѣлей правосудія показываетъ, что и народъ не ошибался относительно громадной роли суда въ жизни республики. Въ самомъ дѣлѣ, компетенція суда присяжныхъ въ Аѳинахъ выходила далеко за предѣлы собственно судебныхъ функцій; ему принадлежала и первенствующая политическая роль; отъ него же исходило вліяніе на всю культурную жизнь республики: законодательство, замѣщеніе государственныхъ должностей, оцѣнка дѣятельности должностныхъ лицъ по окончаніи ими годичнаго срока службы, союзническія отношенія и даже собственныя дѣла союзниковъ,—словомъ, чуть не всѣ отправленія аѳинской демократіи восходили къ геліэѣ. Здѣсь былъ тотъ же народъ, что и въ народномъ вѣчѣ, экклессіи; только составъ геліэи и условія ея дѣятельности вѣрнѣе обезпечивали справедливость и цѣлесообразность ея безапелляціонныхъ рѣшеній и тѣмъ сообщали имъ и большій нравственный авторитетъ. Поэтому аѳинская геліэя въ частностяхъ своей организаціи должна была скорѣе другихъ учрежденій приспособляться къ тѣмъ перемѣнамъ, какія претерпѣвала общая конституція республики; она была, какъ учрежденіе верховное, руководящее, наиболѣе чувствительна къ этимъ перемѣнамъ; по этому же самому неизбѣжно Солоновская организація геліэи отличалась отъ Клисѳеновской, а эта послѣдняя отъ Ефіальтовской и Перикловской; наконецъ въ архонтство Евклида (403),послѣ олигархій Четырехсотъ и Тридцати, опять необходимы были тѣ или другія перемѣны ради наибольшей устойчивости демократическаго управленія. Дѣйствительно, въ этомъ самомъ видѣ судъ присяжныхъ удерживался въ Аѳинахъ до утраты политической независимости. Назначеніе жалованья присяжнымъ по предложенію Перикла, жалованья, по словамъ самого Аристофана, черезчуръ умѣреннаго, какъ бы минимальнаго, было однимъ изъ послѣдствій установленія демократіи: народу необходимо было со стороны государства дать возможность дѣятельнаго участія въ томъ общественномъ учрежденіи, которое служило вѣрнѣйшимъ выраженіемъ всей

системы народнаго самоуправленія, подобно тому какъ государство, т. е. тотъ же народъ, назначилъ особыя суммы, т. н. зрѣлищныя, которыя всякому гражданину обезпечивали бы возможность пользоваться такимъ образовательнымъ средствомъ, какимъ былъ театръ. Дж. Гротъ въ своей „Исторіи Греціи“ называетъ учрежденіе оплачиваемыхъ народныхъ судовъ, дикастерій, въ Аѳинахъ однимъ изъ важнѣйшихъ событій во всей греческой исторіи, и олигархія Четырехсотъ прекрасно знала антидемократическія послѣдствія своей мѣры, когда отмѣнила жалованье геліастамъ и тѣмъ, можно сказать, упразднила народный характеръ верховнаго судилища; съ полнымъ основаніемъ Гротъ видитъ въ геліэѣ ту школу, въ которой воспитывались знаменитые аѳинскіе ораторы, которая путемъ публичныхъ, совершенно свободныхъ дебатовъ вліяла косвенно на развитіе моральной философіи, на выработку политическихъ теорій, на успѣхи психологическаго анализа, блестящія образцы котораго давала аѳинская трагедія и самая комедія Аристофана; эти-то плоды умственной дѣятельности и увѣковѣчили славу аѳинской республики и античной Греціи вообще. Въ аѳинской республикѣ временъ Перикла и послѣдующихъ только судилище многолюдное, какъ бы представлявшее собою совѣсть и волю всего народа, трудно доступное подкупу, совершенно свободное и публичное, обладало такимъ авторитетомъ, передъ которымъ смирялись притязанія самыя честолюбивыя и для государства опасныя или вредныя. Подобныя судилища имѣли тѣмъ большее для себя основаніе, что писанныхъ законовъ въ Аѳинахъ было сравнительно немного, и кодификація ихъ была не совершенна. Самъ Аристофанъ не жалуется на многолюдство народныхъ судовъ. Автора **Аѳинской Политіи**, приписываемой Ксенофонту и составленной почти въ одно время съ появленіемъ „Осъ“ на сценѣ, никакъ нельзя заподозрить въ излишнемъ расположеніи къ аѳинской демократіи; но и онъ не говоритъ о подкупности геліастовъ, а многолюдство аѳинскаго судилища считаетъ цѣлесообразнымъ, „такъ какъ

при большомъ числѣ судилищъ и при малочисленности судей въ каждомъ изъ нихъ легче было бы входить въ соглашеніе съ судьями и подкупать ихъ противъ справедливости“, т. е. говоритъ то же, что и Аристотель. Относительно развращающаго вліянія жалованья Аристотель высказывается съ большою осторожностью, приводя не свое мнѣніе, а нареканія нѣкоторыхъ лицъ, что благодаря этой мѣрѣ всякій разъ тѣснятся къ избирательной урнѣ скорѣе люди заурядные, а не избранные (*ἀφ' ὧν αἰτιῶνταί τινες χείρω γενέσθαι, κληρουμένων ἐπιμελῶς ἀεὶ μᾶλλον τῶν τυχόντων ἢ τῶν ἐπιεικῶν ἀνθρώπων*. 27 кон. Срвн. Politic. VI (IV) 6, p. 1293). Правда, онъ прибавляетъ, что послѣ этого начали и подкупать судей, первый примѣръ чего подалъ Анитъ послѣ командованія подъ Пиломъ,—случай, относящійся къ 409 г., т. е. спустя лѣтъ 60 послѣ введенія жалованья судьямъ. Нареканій на судъ присяжныхъ въ этомъ смыслѣ мы не находимъ ни у ораторовъ, ни даже у Аристофана. Хлопотливость и скудость вознагражденія этихъ занятій,—вотъ, кажется, главное зло народнаго суда по Аристофану. Наоборотъ, лицепріятіе и насилія олигарховъ засвидѣтельствованы многочисленными источниками, а насколько въ судахъ олигархическихъ царствовала правда и законность, объ этомъ краснорѣчиво говорятъ элегіи Солона, многочисленныя извѣстія объ олигархіяхъ Четырехсотъ и Тридцати. Само собою разумѣется, ни комики, ни псевдо-Ксенофонтъ, ни Аристотель, не пожалѣли бы красокъ для изображенія подкупности, еслибъ это зло было присуще аѳинской геліэѣ. Какъ ни рѣдки были эти случаи, аѳиняне, какъ видно изъ послѣднихъ главъ Аристотелевой **Аѳинской Политіи**, принимали всѣ мѣры противъ подобной возможности.

Какимъ же образомъ аѳиняне временъ Перикла и Аристофана могли бы относиться равнодушно къ участію въ геліэѣ, чего повидимому желалъ бы Аристофанъ? Или въ самомъ дѣлѣ ему хотѣлось видѣть на мѣстѣ демократіи систему управленія на подобіе олигархіи Четырехсотъ или гос-

подства Тридцати, когда и сама-то политическая комедія была вынуждена замолчать и заглохла окончательно? Можно утверждать навѣрное, что ничего похожаго Аристофанъ не желалъ, и никакой своей системы правленія или суда предложить не могъ. Увлеченіе Филоклеона судебными дѣлами Бделиклеонъ рѣшилъ излѣчить веселой, беззаботной жизнью въ обществѣ флейтистокъ, въ попойкѣ и плясках, каковыя онъ устраиваетъ для старика-отца во второй части комедіи (ст. 1000 и сл). Аристофанъ—меньше всего политикъ или философъ; меньше всего онъ былъ озабоченъ тѣмъ, что народъ кормился на государственный счетъ и на средства союзниковъ; онъ готовъ былъ бы увеличить поборы съ союзниковъ для того, чтобы обезпечить безбѣдное существованіе всѣмъ аѳинскимъ гражданамъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ безпощаднымъ врагомъ всего, что нарушало мирное, покойное теченіе жизни въ кругу друзей или домашнихъ, былъ-ли виновникомъ этого нарушенія моралистъ-трагикъ Еврипидъ, колебавшій традиціонныя устои религіи и этики, или же политики Периклъ и Клеонъ, отвлекавшіе гражданъ отъ ихъ обычнаго препровожденія времени общественными интересами, были-ли ими софисты вмѣстѣ съ Сократомъ, своей діалектикой изобличавшіе несостоятельность общепринятыхъ знаній и положеній. Смѣхъ и веселье породили аттическую комедію; Аристофанъ и его предшественники, благодаря широкой свободѣ народнаго самоуправленія и критики, сумѣли поднять эти безпорядочные взрывы праздничнаго веселья, сопровождавшіеся вольными пѣснями и язвительными личными шутками, на высоту художественныхъ произведеній, которыя однако всегда сохраняли въ себѣ слѣды первоначальнаго фарса и буффонады. Все то новое, чѣмъ увлекалось общество, и что не походило на предметы увлеченія прежнихъ поколѣній, подвергалось безпощадному осмѣянію комедіи; при этомъ или историческія, всѣмъ извѣстныя личности, какъ Сократъ, Периклъ, Клеонъ, Еврипидъ и мн. другіе, или личности вымышленныя, какъ Филоклеонъ въ нашей комедіи, должны

были служить цѣлямъ комика, какъ воплощенія смуты умовъ, какъ нарушители обычнаго порядка существованія гражданъ. Мишенью для насмѣшекъ и для воплощенія въ нихъ цѣлыхъ партій или направленій историческія личности избирались тѣмъ охотнѣе, если въ ихъ наружности, манерахъ, въ самомъ происхожденіи имѣлись черты необычныя или забавныя, подававшія поводъ къ пересудамъ и остротамъ. Этимъ путемъ личности дѣйствительныя обращались въ полуфантастическіе типы, а многія черты, казавшіяся комику типичными для извѣстнаго порядка явленій, смѣло переносились на популярныя личности. Могущественнѣйшимъ орудіемъ комедіи было преувеличеніе слабостей, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, сопутствовавшихъ новому явленію, подчеркиваніе слуховъ и басенъ неблагопріятныхъ подобному явленію или подобнымъ личностямъ, собственныя выдумки комиковъ, не останавливавшіяся передъ самыми причудливыми образами и имѣвшія главною цѣлью смѣшить публику и цѣлью побочною—отвращать ее отъ всего, что мѣшало гражданамъ жить такъ, какъ, по мнѣнію поэта, живали въ старину, беззаботно, весело, или въ славныхъ бояхъ съ иноземцами. Комедіи Аристофана и въ частности „Осы“ полны бытовыхъ красокъ, выхваченныхъ изъ окружающей жизни, воспроизводятъ передъ нами понятія, чувства, часто самые разговоры и шутки, находившіяся въ обращеніи въ нѣкоторой части аѳинскаго общества, которое давало волю своему остроумію и злоязычію на площадяхъ, въ портикахъ, въ гимназіяхъ, парикмахерскихъ и т. п. публичныхъ мѣстахъ. Широкая популярность личностей и огромное вліяніе тѣхъ или другихъ общественныхъ учрежденій давали наиболѣе обильную пищу злоязычію, и изъ этого источника комики безъ стѣсненія брали краски для своихъ картинъ, которыя тѣмъ легче производили желательный для нихъ эффектъ. Въ этомъ заключается важное значеніе комедій Аристофана для исторіи Аѳинъ и отчасти нѣкоторыхъ другихъ общинъ, осо-

бенно для бытописанія ихъ. Многочисленныя черты живой дѣйствительности даютъ комедіи Аристофана, и безъ него наши свѣдѣнія объ античной Греціи, особенно объ аѳинской республикѣ, были бы гораздо блѣднѣе и скуднѣе. Но изображенія историческихъ личностей, отдѣльныхъ событій или цѣлыхъ направленій общественной мысли или художественной литературы страдаютъ въ этихъ комедіяхъ односторонностью, преувеличеніями и анекдотичностью. Цѣнныя для исторіи данныя въ Аристофановскихъ комедіяхъ относятся обыкновенно къ такимъ предметамъ, которыя для автора были безразличны; въ остальномъ онъ является горячимъ противникомъ всякихъ новшествъ, какой бы сферы они ни касались, и панегиристомъ старины, установившихся привычекъ и порядка жизни, хотя и старина рисовалась ему въ смутныхъ очертаніяхъ славныхъ событій внѣшнихъ и покойнаго, блаженнаго для всѣхъ существованія внутри общины.—Müller-Strübing, Aristophanes u. die historische Kritik. L. 1873. Раньше его въ томъ же смыслѣ Vischer, über die Benutzung der alten Komödie als geschihtlicher Quelle. Basel 1840 (Kleine Schriften. I. L. 1877, F. 459—485). Th. Kock, Aristophanes als Dichter u. Politiker. Rhein. Mus. XXXIX. 1884 M. Croiset, Histoire de la littérature grecque. III. Paris. 1891, pp. 456—463. 522—531. Ѳ. Мищенко, Судъ присяжныхъ въ Аѳинахъ и сочиненіе Аристотеля объ аѳинскомъ государствѣ. Ж. М. Н. Просв. 1892. Его же: Судъ присяжныхъ въ Аѳинахъ (изъ Аѳинской политіи). Сборникъ въ пользу Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра. Спб. 1895. G. Gilbert, Beiträge zur Entwickelungsgeschichte d. gr. Gerichtsverfahrens und d. gr. Rechtes. L. 1896.

Ѳ. Мищенко.

Осы.

Посвящается Димитрію Ѳеодоровичу Бѣляеву.

Дѣйствующія лица:

Сосій } слуги Бделиклеона.
Ксанѳій }
Бделиклеонъ.
Филоклеонъ.
Хоръ стариковъ-осъ.
Мальчишки.
Торговка калачами.
Истецъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ передъ домомъ Бделиклеона. На плоской черепичной кровлѣ дома спереди—мезонинъ. За мезониномъ по кровлѣ разостлана охотничья сѣть, прикрывающая выходъ на кровлю и некрытую часть дома, такъ называемый дворъ. Передъ домомъ—статуя Аполлона. Вдали видна городская площадь и статуя Лика.

Раннее утро. Сосій и Ксанѳій спятъ по обѣ стороны двери, прислонившись къ стѣнѣ; Бделиклеонъ спитъ въ мезонинѣ.

Сосій (просыпаясь).

Несчастный Ксанѳій, эй! Что дѣлаешь ты тамъ?

Ксанѳій.

Ночное бдѣніе стараюсь сократить.

Сосій.

Изрядно, стало быть, намнутъ тебѣ бока:
Забылъ ты, что за звѣрь подъ стражею у насъ.

Ксанѳій.

Я знаю, да вздремнуть мнѣ хочется чуть-чуть.

Сосій (задремавъ).

Рискнемъ, попробуемъ: и по моимъ глазамъ
Истома сладкая какая-то пошла.
(молча мотаются изъ стороны въ сторону)

Ксанѳій (очнувшись, своему товарищу).

Ты корибантствуешь или сошелъ съ ума?!

Сосій.

Нѣтъ, просто сонъ послалъ Сабацій на меня.

Ксанѳій.

Э! Значитъ, ты къ нему приверженъ, какъ и я:
И на меня сейчасъ набѣгъ свой учинилъ
Съ персидской стороны какой-то носоклюй...
Преудивительный я видѣлъ сонъ сейчасъ.

Сосій.

Я тоже видѣлъ сонъ такой, какъ никогда.
Ты первый разскажи свой сонъ.

Ксанѳій.

Приснился мнѣ
Огромнѣйшій орелъ; слетѣлъ на площадь онъ,

Вцѣпился въ мѣдный щитъ когтями и унесъ
Его подъ небеса, но вдругъ тотъ самый щитъ,—
Я вижу,—съ высоты бросаетъ Клеонимъ.

Сосій.

Загадка славная выходитъ на него.

Ксанѳій.

Какъ такъ?

Сосій.

Бесѣдуя съ друзьями на пиру,
Такую можно дать загадку: „что за звѣрь
На небѣ, на морѣ, на сушѣ бросилъ щитъ?“

Ксанѳій.

Охъ, охъ! Какое ждетъ несчастіе меня?
Увидѣть сонъ такой!

Сосій.

Товарищъ, не тужи:
Клянусь, ужаснаго не будетъ ничего.

Ксанѳій.

Нѣтъ, увидать того, кто бросилъ щитъ,—бѣда...
Но разскажи и ты свой сонъ.

Сосій.

Мой сонъ важнѣй:
О государственномъ мнѣ снилось кораблѣ.

Ксанѳій.

Суть дѣла поскорѣй выкладывай сюда.

Сосій.

Сначала видѣлъ я: на площади сидятъ
И совѣщаются бараны межъ собой,
Какъ быть, съ жезлами всѣ, въ коротенькихъ плащахъ.
Потомъ приснилось мнѣ, что средь барановъ тѣхъ
Всепожирающій ораторствуетъ китъ
И вопитъ голосомъ откормленной свиньи...

Ксанѳій.

Тьфу, тьфу!

Сосій.

Что это значитъ?

Ксанѳій.

Стой, молчи, молчи!
Гнилою кожею воняетъ этотъ сонъ.

Сосій.

Затѣмъ поганый китъ принялся на вѣсахъ
Воловій жиръ развѣшивать.

Ксанѳій.

Бѣда, бѣда!
Онъ собирается продать народъ въ развѣсъ.

Сосій.

Теора видѣлъ я: вороньей головой
Украшенный, сидѣлъ онъ тутъ же на полу;
Потомъ вдругъ Алквіадъ картаво мнѣ сказалъ:
„Смотли, Теолъ сидитъ съ волоньей головой“.

Ксанѳій.

А вѣрно въ этотъ разъ скартавилъ Алквіадъ.

Сосій.

Теоръ сталъ ворономъ! Не добрый это знакъ.

Ксанѳій.

Ничуть, напротивъ добрый.

Сосій.

Какъ?

Ксанѳій.

А вотъ какъ: онъ
Изъ человѣка вдругъ сталъ ворономъ; теперь
Не трудно предсказать, что онъ взлетитъ наверхъ
И, значитъ, къ воронамъ провалится отъ насъ.

Сосій.

Ну, какъ тебѣ не дать оболовъ пару: ты
Съ такою ловкостью распутываешь сны.

Ксанѳій (выходя на авансцену).

Я долженъ зрителямъ суть дѣла объяснить,
Но предварю сперва немножко вотъ о чемъ:

Не ждите ничего высокаго отъ насъ,
Ни шутокъ, краденыхъ въ Мегарѣ; нѣтъ у насъ
Рабовъ, что зрителямъ бросаютъ изъ кулька
Орѣхи грецкіе; не выведенъ у насъ
Гераклъ прожорливый, лишаемый ѣды;
И Еврипида въ грязь не топчемъ снова мы;
Клеона вознесла судьба, но не хотимъ
Окрошку дѣлать здѣсь вторично изъ него.
Для васъ есть басенка не глупая у насъ:
Для вашего ума доступная, она
Повыше пошлостей комедіи иной.
У насъ есть господинъ, преважный господинъ,
Который спитъ теперь вонъ тамъ, на чердакѣ.
Онъ заперъ на замокъ отца, а намъ вдвоемъ
Велѣлъ смотрѣть, чтобъ тотъ изъ дома не ушелъ.
Болѣзнью странною страдаетъ самъ отецъ,
И никому изъ васъ не угадать ея
Безъ нашей помощи. Попробуйте смекнуть.
(Указывая на отдѣльныхъ лицъ изъ публики)
Аминій Пронапидъ увѣренъ, что старикъ
Завзятый костофилъ.

Сосій.

Клянусь, Аминій вретъ:
Догадку дѣлаетъ онъ, судя по себѣ.

Ксанѳій.

Да, но въ словечкѣ „филъ“ лежитъ весь корень зла.
Вонъ Сосій говоритъ Деркиллу, что отецъ,
Конечно, боленъ винофильствомъ.

Сосій.

Вотъ ужъ нѣтъ!
Такая хворь—удѣлъ порядочныхъ людей.

Ксанѳій.

А Никостратъ изъ Скамбонидъ рѣшилъ, что онъ,
Навѣрно, жертвофилъ, иль ярый гостефилъ.

Сосій.

Клянусь собакою, старикъ не гостефилъ:

Вѣдь Гостефилъ у насъ—неистовый блудникъ.
(начинаетъ дремать)

Ксанѳій.

Пустая болтовня! Ну, гдѣ вамъ угадать!
Молчите, если суть вамъ хочется узнать.
Я вамъ сейчасъ скажу хозяина болѣзнь:
Онъ ярый судофилъ, какихъ и въ мірѣ нѣтъ;
Онъ страстно любитъ судъ и глубоко скорбитъ,
Когда не попадетъ на первую скамью.
Не можетъ ночью онъ ни на волосъ уснуть,
А если и вздремнетъ немножко, все равно
Витаетъ мысль его у водяныхъ часовъ.
Держать привыкши шаръ, встаетъ съ постели онъ,
Сложивъ три пальца такъ, какъ будто ѳиміамъ
Въ день новолунія бросаетъ на алтарь.
Увидитъ гдѣ-нибудь онъ надпись на дверяхъ:
„Сынъ Пирилампа Демъ—красавецъ“,—и сейчасъ
„Моя красотка—Урна“ тутъ же начертитъ.
Пѣтухъ его сталъ пѣть по вечерамъ,—и вотъ
Старикъ сталъ говорить, что съ подсудимыхъ онъ
За пѣнье позднее, навѣрно, взятку взялъ.
Чуть ужинъ кончится, кричитъ онъ: „башмаки!“
Еще не разсвѣтетъ, а онъ ужъ въ судъ идетъ
И спитъ, прильнувъ къ столбу, какъ раковина, тамъ.
По злости ставитъ онъ всѣмъ длинную черту
И возвращается, какъ пчелка иль оса,
Съ ногтями, полными начинки восковой.
Боясь, что камешковъ не хватитъ на судѣ,
Онъ берегъ у себя морской въ дому завелъ.
Вотъ манія его. Совѣты—ни къ чему:
Отъ нихъ еще сильнѣй онъ рвется въ судъ. Его
Мы держимъ взаперти, чтобъ онъ не убѣжалъ.
Жестоко удрученъ его болѣзнью сынъ.
Сначала онъ отца старался убѣдить,
Чтобъ бросилъ, наконецъ, носить онъ дерюгу
И дома бы сидѣлъ, но тотъ не слушалъ словъ.
И омовенія ему не помогли.
Пытались плясками его лѣчить, а онъ,
Какъ былъ, съ тимпаномъ въ судъ стремительно влеталъ.
Когда же таинства ему не помогли,

Въ Эгину сынъ отвезъ и положилъ его
Насильно на ночь въ храмъ Асклепія, а онъ
Чуть свѣтъ предъ входомъ въ судъ явился тутъ, какъ тутъ.
Тогда ужъ мы его не стали выпускать,
Но онъ сталъ вылѣзать по стокамъ для воды
И въ окна. Мы тогда отверстья всѣ въ дому
Забили наглухо, наполнивъ ихъ тряпьемъ.
И что же?—онъ гвоздей набилъ по всей стѣнѣ
И, точно галка, вонъ выпрыгивалъ по нимъ.
Чтобъ удержать его, теперь пришлося намъ
Сѣтями крѣпкими опутать дворъ кругомъ.
Отца заслуженно зовутъ Филоклеонъ.
А сына—вѣрите-ль?—Бделиклеонъ, ей-ей.
Характеръ у сынка заносчивый и злой...

Бделиклеонъ (сверху).

Эй, Ксанѳій, Сосій, эй! Уснули что ли вы?

Ксанѳій.

Ай, ай!

Сосій.

Что тамъ?

Ксанѳій.

Проснулся нашъ Бделиклеонъ.

Бделиклеонъ.

Скорѣй, скорѣй сюда бѣгите кто-нибудь!
Пробрался нашъ старикъ на кухню и, какъ мышь,
Шуршитъ и возится. Поглядывай, чтобъ онъ
Не вылѣзъ какъ-нибудь по стоку для помой.
(Сосій входитъ въ домъ; Ксанѳію)
А ты налягъ на дверь.

Ксанѳій.

Готово, господинъ.

Бделиклеонъ (подходя къ трубѣ).

Владыка Посейдонъ! Что тамъ шумитъ въ трубѣ?
(Филоклеонъ высовываетъ голову)

Эй, кто ты?

Филоклеонъ.

Это я, я вылѣзаю, дымъ.

Бделиклеонъ.

Какого дерева?

Филоклеонъ.

Смоковницы.

Бделиклеонъ.

О Зевсъ!
Ползетъ изъ всѣхъ дымовъ вонючій самый дымъ.
Но ты не вылѣзешь! Гдѣ вьюшка? Прочь, назадъ!
(Закрываетъ отверстіе).
Для крѣпости еще полѣно положу.
Уловку новую придумывай теперь.
Однако есть ли кто несчастнѣе меня?
Отнынѣ будетъ мнѣ прозванье „дымовъ сынъ“.

Сосій (Ксанѳію).

Держи плотнѣе дверь, налягъ, налягъ сильнѣй,
Упрись покрѣпче! Я сейчасъ приду къ тебѣ;
Да освидѣтельствуй задвижку и замокъ,
Смотри, чтобъ какъ-нибудь замка онъ не отгрызъ.
(вскорѣ выходитъ).

Филоклеонъ (за дверью).

Что дѣлаете вы? Мнѣ надо въ судъ, скоты,
Иначе—Драконтидъ оправданъ будетъ тамъ.

Ксанѳій.

Тебѣ какое горе?

Филоклеонъ.

Въ Дельфахъ Аполлонъ
Мнѣ предсказалъ, что я изсохну отъ тоски,
Когда хоть кто-нибудь спасется отъ меня.

Сосій.

Ну, предсказаніе, спаситель Аполлонъ!

Филоклеонъ.

Пусти, пожалуйста, иначе—я погибъ.

Ксанѳій.

Нѣтъ, нѣтъ, Филоклеонъ, свидѣтель—Посейдонъ!

Филоклеонъ.

Тогда я вашу сѣть зубами прогрызу.

Сосій.

Да ты вѣдь безъ зубовъ.

Филоклеонъ (трагически).

О горе, горе мнѣ!
Какъ мнѣ убить тебя? Подайте мечъ сюда,
Или... судейскую табличку поскорѣй!

Ксанѳій.

Готовитъ каверзу намъ этотъ человѣкъ.

Филоклеонъ.

Нѣтъ, нѣтъ, клянуся вамъ: мнѣ только бы продать
И сбрую и осла; вы знаете, теперь
Вѣдь новолуніе.

Бделиклеонъ.

А развѣ то же самъ
Не могъ бы сдѣлать я?

Филоклеонъ.

Да ужъ не такъ, какъ я.

Бделиклеонъ.

Получше твоего, а впрочемъ выводи.

Ксанѳій.

Закинулъ удочку прехитрую старикъ,
Чтобъ выбраться сюда.

Бделиклеонъ.

Да, только на нее
Не клюнуло: его уловку понялъ я.

Ксаноій.

Я вотъ что думаю: пойду я самъ туда
И выведу осла, а то онъ улизнетъ.

(Входитъ и сейчасъ же возвращается съ осломъ на поводу; оселъ реветъ).

Что воешь, осликъ мой? Сегодня продадутъ?
Иди, иди скорѣй! Что дышешь тяжело?
Не Одиссея ли несешь?

Сосій.

И впрямь несетъ!
Вонъ, кто-то спрятался подъ брюхомъ у него.

Бделиклеонъ (наклонясь сверху).

Посмотримъ: кто такой?

Ксаноій.

Вотъ онъ!

Бделиклеонъ.

Что это тутъ?
Что ты за человѣкъ?

Филоклеонъ.

„Никто“, свидѣтель—Зевсъ.

Бделиклеонъ.

Откуда?

Филоклеонъ.

Изъ Итаки я, сынъ Стрекача.

Бделиклеонъ.

Тебя, Никто, теперь ничто ужъ не спасетъ.

(Ксаноію)

Тащи его скорѣй обратно. Вотъ такъ плутъ!
Смотри, куда залѣзъ! Никакъ не отличишь
Отъ ослика, когда подъ маткой онъ стоитъ.

Филоклеонъ (упираясь).

Пустите, иначе—судиться буду я.

Бделиклеонъ.

За что судиться будешь ты?

Филоклеонъ.

„За тѣнь осла“.

Бделиклеонъ.

Ахъ ты тухлятина, тупица, сумасбродъ!

Филоклеонъ.

Тухлятина? Ну, нѣтъ! не знаешь ты меня:
Я—лакомый кусокъ. Чтобъ испытать мой вкусъ,
Поѣшь подбрюшины отъ стараго судьи.

Бделиклеонъ (Ксаноію).

Тащи его, тащи съ осломъ обратно въ домъ.

Филоклеонъ (въ дверяхъ).

О судьи! О Клеонъ! Друзья мои,—ко мнѣ!

(Ксаноій скоро возвращается)

Бделиклеонъ.

Кричи себѣ теперь: загнали мы тебя.

(слугамъ)

Наваливай камней поболѣе къ дверямъ,
Скорѣе запирай опять ихъ на замокъ,
Наружный всунь засовъ и подкати къ нему
Тяжелое корыто (Слуги работаютъ).

Сосій.

Батюшки мои!
Откуда камешекъ свалился на меня?

Ксаноій.

Навѣрное, его столкнула сверху мышь.

Сосій.

Какая мышь! Смотри: вонъ высунулся, тамъ
Межъ черепицами надъ кровлей нашъ судья.

Ксаноій (насмѣшливо).

Ахъ, батюшки мои! да это воробей!
Онъ улетитъ сейчасъ.

Бделиклеонъ.

Гдѣ сѣтка? Сѣтка гдѣ?

Кышъ, кышъ, кышъ кышъ!

(Старикъ исчезаетъ подъ наброшенной сѣткой)

О Зевсъ, сноснѣе было мнѣ
Скіону сторожить, чѣмъ этого отца!

Сосій.

Ну, вотъ и кончено: спугнули старика,
И больше онъ отъ насъ не улизнетъ никакъ.
А что, кабы теперь хоть капельку соснуть?

Бделиклеонъ.

Несчастный! Явятся, немного погодя,
Товарищи отца и будутъ звать его
Съ собою въ судъ.

Сосій.

Какъ такъ? Еще не разсвѣло!

Бделиклеонъ.

Сегодня-то еще проспали старики,
А прежде съ полночи являлися сюда
Съ лампадами въ рукахъ, мурлыча про себя
Сидонодревнесладкофриниховъ напѣвъ,
Чтобъ вызвать старика.

Сосій.

Когда нужда придетъ,
Тотчасъ каменьями мы славно встрѣтимъ ихъ.

Бделиклеонъ.

Несчастный, если ты раздразнишь стариковъ,
Не хуже осъ они отдѣлаютъ тебя.
И жало спереди имѣется у нихъ,
И колютъ имъ они, и скачутъ, и жужжатъ,
И, точно искры, жгутъ, бросаясь на людей.

Сосій.

Не бойся ничего! Мнѣ только бы камней,
А я огромный рой судейскій разнесу.

(Слуги засыпаютъ у дверей, Бделиклеонъ—въ мезонинѣ. Пауза. Появляется хоръ стариковъ, наряженныхъ осами, съ котомками и посохами,

въ сопровожденіи четырехъ или трехъ мальчишекъ; у послѣднихъ въ рукахъ—горящія тускло лампады).

Хоровожатый.

Живѣй, впередъ, живѣй впередъ! Ты, Комій, чуть плетешься.
Клянусь, ты прежде крѣпокъ былъ, какъ есть ремень собачій,
А нынѣ Харинадъ идетъ куда тебя скорѣе.
О Контилеецъ Стримодоръ, пріятель закадычный!
Идетъ ли съ нами Евергидъ? Хабетъ идетъ ли Флієцъ?
Увы! Теперь... охо-хо-хо!.. осталось насъ немного
Съ тѣхъ поръ, какъ наши молодцы сошлись подъ Византіей.
Служили вмѣстѣ мы съ тобой и—помнишь?—какъ-то ночью
Шатаясь, у калачницы лотокъ мы утащили
И, превративъ его въ щепы, на нихъ варили овощь...
Скорѣй, друзья! Сегодня мы судить Лахета будемъ.
Всѣ говорятъ, имѣетъ онъ деньжонокъ цѣлый улей.
Вчера намъ батюшка Клеонъ велѣлъ прійти пораньше
И на три дня забрать съ собой... неутолимой злобы,
Чтобъ хорошенько наказать его за преступленья.
Скорѣе двинемтесь, друзья, покуда до разсвѣта,
Пойдемъ впередъ и освѣтимъ лампадами дорогу,
А то намъ камень на пути подстроитъ злую штуку.

(Направляется къ дому Бделиклеона).

Мальчишка.

Отецъ, отецъ, остерегись:
лужа—на дорогѣ.

Хоровожатый.

Съ земли пруточекъ подними
и поправь свѣтильню.

Мальчишка.

Чего тутъ! Лучше пальцемъ вотъ
я ее поправлю.

Хоровожатый.

Съ какой же стати пальцемъ ты
трогаешь свѣтильню?

(Бьетъ его).

И безъ того-то масла нѣтъ,
дуралей-мальчишка!
Тебѣ пустякъ, а намъ оно
денегъ тоже стоитъ.

Мальчишка.

Когда тычками вы еще
будете учить насъ,
То мы, ей-ей, уйдемъ домой,
погасивъ лампадки;
Тогда, плутая въ темнотѣ
безъ насъ и безъ лампадокъ,
Вы шлепать будете въ грязи,
какъ нырки въ болотѣ.

Хоровожатый.

Ну, мнѣ случалося карать
кой-кого почище.
Однако, кажется, попалъ
въ лужу я ногами.
(Присматривается)
Да впрочемъ грязь и быть должна:
вотъ ужъ дня четыре
На землю посылаетъ Зевсъ
ливни безпрестанно;
Поэтому и у лампадъ
вонъ какъ нагорѣло:
Всегда является нагаръ
въ сильное ненастье...
Но, впрочемъ, поздніе плоды
требуютъ ненастья,
И вѣтеръ сѣверный и дождь
имъ необходимы.
(Посмотрѣвъ на домъ Бделиклеона)
Но что за штука? Отчего
изъ дому такъ долго
Товарищъ нашъ нейдетъ сюда?
Что съ нимъ приключилось?
Когда-то онъ проворнѣй былъ:
впереди, бывало,

Идетъ—изъ Фриниха поетъ,
а попѣть онъ любитъ.
Я вотъ что думаю, друзья:
встанемъ передъ домомъ
И пѣсню хоромъ запоемъ:
можетъ быть, скорѣе
На зовъ друзей онъ поспѣшитъ
радостно изъ дома.

1-я половина хора [1]).

Почему же старина къ намъ не выходитъ?
Отчего не отвѣчаетъ?
Или обувь затерялъ онъ?
Иль въ потемкахъ спотыкнулся
И зашибъ, быть можетъ, палецъ,
А отъ этого распухла
Вся нога?—вѣдь онъ старикъ ужъ.
Или съ нимъ бубонъ случился?..
Былъ старикъ нашъ всѣхъ язвительнѣе прежде
И на просьбы не сдавался,
А когда его попросятъ,
Въ полъ уставится упрямо
И промолвитъ: „камень варишь.“

2-я половина хора.

Иль вчерашній подсудимый въ томъ виною?
Ускользнулъ онъ, обманулъ насъ,
Убѣдилъ, что преданъ намъ,
Что донесъ народу первый
О предательствѣ Самоса:
Ну, и треплетъ лихорадка
Старика отъ огорченья:
У него такой характеръ.
Встань, товарищъ, не печалься такъ жестоко,
Позабудь объ огорченьи;

[1]) Въ нижеслѣдующей пѣснѣ хора (какъ и вездѣ въ нашемъ переводѣ) нумерація стиховъ сдѣлана по греческому тексту.

Толстосумъ у насъ есть новый
Изъ предателей ѳракійскихъ:
Вотъ его ты и упрячешь.

Хоровожатый.

Мальчуганъ, ступай впередъ.

Мальчишка.

А ты дашь ли мнѣ, отецъ мой,
То, чего хочу просить я?

Хоровожатый.

О, конечно, мой сыночекъ!
Говори, чего ты хочешь,
Что купить тебѣ? Навѣрно,
Назоветъ мой мальчикъ кости.

Мальчишка.

Нѣтъ, мой папочка, купи намъ
Смоквы: это—слаще..

Хоровожатый.

Дудки!
Ни за что, хоть вы повѣсьтесь!

Мальчишка.

Ну, такъ больше мы не станемъ провожать васъ.

Хоровожатый.

Изъ моей ничтожной платы долженъ я
Содержаться самъ-третей;
Надо дровъ, приправы, хлѣба,
Ты же смоквы просишь!

Мальчишка.

Ну, а какъ же, если архонтъ
Не назначитъ засѣданья

Въ этотъ день? На что припасовъ
Купимъ мы? На что надежду
Ты питаешь? Иль укажешь
Намъ на „путь священный Геллы“?

Хоровожатый.

Ахъ ты горе наше, горе!
Право, я и самъ не знаю,
Гдѣ тогда обѣдъ добудемъ.

Мальчишка.

„Ахъ, зачѣмъ меня ты, мати, породила,
Скорбь питанья возложивши на меня!“

Хоровожатый.

Ахъ, кошель мой, „ты—пустое
Украшенье для меня“.

Мальчишка.

ы-ы!
Есть о чемъ завопить.

Филоклеонъ (у выхода на кровлю, подъ сѣтью).

Изнываю, друзья,
Я давно у окна,
Слышу пѣсню, но самъ
Не могу съ вами пѣть.
Что мнѣ дѣлать? Меня
Осадили враги.
Къ урнамъ рвусь я давно,
Чтобъ кого-нибудь тамъ
Подвести и упечь.
О Зевесъ, о Зевесъ, страшнымъ громомъ твоимъ
Или въ дымъ преврати ты сейчасъ же меня,
Или сдѣлай меня Проксенидомъ,
Иль трескучимъ вралемъ, сыномъ Селла.
О не медли, мой царь, пожалѣй, снизойди
Ко страданьямъ моимъ!
Иль палящій перунъ пусть зароетъ меня
Въ кучу пепла скорѣй,
А потомъ изъ нея мое тѣло достань

И обдуй, и подливкой горячей облей,
Или въ камень меня преврати, наконецъ,
На которомъ шары мы считаемъ.

Хоръ.

Кто тебя насильно держитъ
На запорѣ? Разскажи намъ,
Не скрывайся отъ друзей.

Филоклеонъ.

Сынъ мой собственный. Но тише, не кричите: вотъ онъ здѣсь,
Недалеко спитъ на кровлѣ. Парусъ внизъ! спустите тонъ.

Хоровожатый.

Что за глупость! Да зачѣмъ же это нужно для него?
Что за дикое насилье!

Филоклеонъ.

Отъ суда, отъ кляузъ разныхъ хочетъ онъ отвлечь меня
Жизнью сытой и привольной, но... не надо мнѣ ея.

Хоръ.

Низкій Демологоклéонъ сталъ тебя за то стѣснять,
Что ему о флотѣ правду говоришь ты.
Никогда бы не посмѣлъ онъ поступить такъ, если бъ не былъ
Онъ отечеству врагомъ.

Хоровожатый.

Если такъ, то тебѣ остается одно: новый способъ спасенья придумать;
Изловчись какъ-нибудь къ намъ спуститься, но такъ, чтобы сынъ ничего не замѣтилъ.

Филоклеонъ.

Что придумаешь тутъ? Нѣтъ, придумайте вы, а исполню я все, что угодно:
Страстно хочется мнѣ мимо бѣлыхъ досокъ съ балтировочнымъ шаромъ пробраться.

Хоровожатый.

Не найдется ли щели какой гдѣ-нибудь? Извнутри бы ее ты расширилъ,
А потомъ и пролѣзъ, какъ хитрецъ Одиссей, нарядившись нарочно въ отрепье.

Филоклеонъ.

Заколочено все, щелей нѣтъ никакихъ, комару даже негдѣ пробраться.
Нѣтъ, тутъ выходъ иной надо выдумать намъ: для меня всѣ отверстья закрыты.

Хоровожатый.

Или ты позабылъ, какъ укралъ вертела и проворно махнулъ черезъ стѣну?
Это было тогда, когда нашъ гарнизонъ на Наксосѣ стоялъ покоренномъ.

Филоклеонъ.

Да, я помню, но что изъ того? Вѣдь теперь положенье мое не такое:
Я былъ молодъ тогда и умѣлъ воровать, да и силы поболѣе было,
И къ тому же тогда не слѣдили за мной,
И удрать отъ бѣды безопасно я могъ,
А теперь стерегутъ каждый выходъ въ дому,
И закованo въ мѣдь, всюду войско стоитъ,
А у самыхъ дверей два солдата
Караулятъ меня съ вертелами въ рукахъ,
Точно кошку, стащившую мясо.

Хоръ.

Ну а все-таки придумать
Надо выходъ поскорѣе:
Вѣдь заря ужъ, моя пчелка.

Филоклеонъ.

Лучше нечего придумать: надо сѣти перегрызть,
А Диктинна пусть проститъ мнѣ, если я испорчу ихъ.

Хоровожатый.

Средство вѣрное нашелъ ты для спасенья своего.

Ну, пускай въ работу зубы.

Филоклеонъ (быстро перегрызши сѣть).

Перезгрызъ, готово дѣло. Тише, тише, ни-гугу!
Осторожнѣе! Услышитъ мой побѣгъ Бделиклеонъ.

Хоръ.

Ничего не бойся, другъ мой: если сынъ твой только пикнетъ,
Будетъ онъ душой терзаться,
Будетъ онъ дрожать за шкуру и узнаетъ, какъ опасно
Презирать декретъ богинь.

Хоровожатый.

А теперь у окошка веревку продѣнь и однимъ концомъ обмотайся
А другой выпускай постепенно изъ рукъ, не теряя присутствія духа

Филоклеонъ.

Ну, а если мои сторожа услѣдятъ и наверхъ, точно рыбу, потащатъ,
Чтобы снова меня засадить подъ замокъ, что вы будете дѣлать? Скажите.

Хоровожатый.

Всею массой мы ринемся въ бой за тебя, всею яростью мы ополчимся
И врагамъ не дадимъ удержать тебя тамъ: вотъ намѣрены какъ поступить мы.

Филоклеонъ.

Полагаясь на васъ, стану дѣйствовать я, но послушайте: если убьюсь я,
Поднимите меня и, оплакавъ мой трупъ, подъ оградой суда положите (Обвязывается).

Хоровожатый.

Не страшись: ничего не случится съ тобой; опускайся смѣлѣе, товарищъ,
Но сначала съ мольбой обратися къ богамъ, стародавнимъ хранителямъ нашимъ.

Филоклеонъ (простирая руки къ площади).

Мой сосѣдъ, полубогъ, покровитель нашъ, Ликъ! мы съ тобой одинаково любимъ
Причитанья и слезные вопли людей, предстающихъ на судъ передъ нами.
Ты нарочно пришелъ поселиться сюда, чтобы слышать ихъ жалкіе стоны;
Изъ героевъ одинъ пожелалъ ты сидѣть возлѣ мѣста печали и плача.
Пожалѣй же меня и спаси отъ бѣды, по-сосѣдски, а я поклянуся,
Что во вѣки вѣковъ у ограды твоей ни..., ни...не стану (Начинаетъ спускаться).

Бделиклеонъ (проснувшись, кричитъ).

Эй, проснись!

Сосій (просыпаясь).

Что такое случилось?

Бделиклеонъ.

Кругомъ точно говоръ какой-то я слышу.

Сосій.

Ужъ не лѣзетъ ли снова старикъ гдѣ-нибудь?

Бделиклеонъ (посмотрѣвъ).

О Зевесъ! да вѣдь онъ на веревкѣ
Опускается внизъ!

Сосій (бросаясь къ Филоклеону).

Что ты дѣлаешь, плутъ? Ну, ужъ нѣтъ, тебѣ слѣзть не удастся!

Бделиклеонъ.

Подымайся скорѣе навстрѣчу ему и лупи его прутьями сзади:
Можетъ быть, отъ ударовъ священной лозы заднимъ ходомъ пойдетъ онъ скорѣе.

Филоклеонъ (котораго сынъ тащитъ вверхъ, а слуга бьетъ).

Помогите мнѣ всѣ, кого нынѣшній годъ ожидаютъ въ судѣ засѣданья!
Помогите друзья, помогите, Хремонъ, Тисіадъ, Ферeдейпнъ, Смикитіонъ!
Не теперь, такъ когда же поможете вы? Помогите, пока не втащили.

Хоръ (начиная безпокойно двигаться).

Ну, скажите, что мы смотримъ? Пустимъ ярость нашу въ ходъ,
Какъ всегда, когда приводятъ въ озлобленіе нашъ рой.
Ну-ка жала, ну-ка жала, гнѣва страшныя орудья
Навострите.

(Мальчишкамъ).

Подобравъ свои подолы, живо, ребятишки, маршъ!
И бѣгите, и кричите, и Клеона извѣстите,
И сюда его зовите
На предателя, который
Смерти стоитъ, потому что
Онъ дерзаетъ предлагать
Всѣхъ судовъ уничтоженье.

Бделиклеонъ.

Разберите дѣло прежде, чѣмъ кричать, друзья мои.

Хоровожатый.

Не дадимъ его въ обиду! До небесъ нашъ крикъ дойдетъ!
Не ужасно ль? Тиранія это явная, какъ день!

(Къ публикѣ).

О несчастный народъ! Будь ты проклятъ, Теоръ!
Будьте прокляты вы, подлецы—вожаки!

Ксанөій.

О Гераклъ, какія жала! Посмотри-ка, господинъ.

Бделиклеонъ.

Горгіадъ Филиппъ зажаленъ былъ ужъ ими на судѣ.

Хоровожатый.

И съ тобою будетъ то же. Повернитесь всѣ сюда,
Жала выдвиньте наружу и, подолы подобравъ,
Бросьтесь дружно, покажите вашу ярость, вашу мощь,
Чтобъ потомъ онъ помнилъ долго, чью онъ злобу разбудилъ (Наступаютъ).

Ксанөій.

О Зевесъ! Какъ страшно будетъ съ этимъ роемъ драться намъ!
Ужъ при видѣ жалъ ихъ острыхъ содрогается душа.

Хоровожатый.

Отпусти же его, а иначе, смотри,
Позавидуешь ты черепашьимъ щитамъ.

Филоклеонъ.

Гей, товарищи и судьи, осы съ гнѣвною душой,
Пусть одни изъ нихъ вопьются разъяренные имъ въ задъ,
А другіе дружнымъ роемъ жалятъ пальцы и глаза!

Бделиклеонъ.

Эй, сюда, Мидасъ, Масинтій, Фригъ! Скорѣй сюда ко мнѣ!
Старика держите крѣпче и не смѣйте отпускать,
А иначе въ крѣпкихъ путахъ будете поститься вы

(хору)

Не пугайте: „слышалъ часто трескъ горящихъ листьевъ я“.

Хоровожатый (Бделиклеону).

Если ты его не пустишь, зададимъ же мы тебѣ.

Филоклеонъ (увлекаемый слугами).

О Кекропъ, герой и царь нашъ, змѣехвостый Дракконтидъ!
Иль тащить меня дозволишь дикарямъ, которыхъ я
Заставлялъ надъ тѣстомъ плакать по четыре раза въ день!

Хоровожатый.

Много, много видитъ старость горя лютаго себѣ;

Это правда! Посмотрите: господина своего
Два раба схватили грубо, про былое позабывъ:
Про кожаны, безрукавки, что для нихъ онъ покупалъ,
И про шапки, и про обувь, что зимой онъ имъ давалъ,
Чтобъ они не слишкомъ зябли, но и тѣни нѣтъ стыда
Въ этихъ наглецахъ: забыли, что старикъ ихъ одѣвалъ.

Филоклеонъ (слугѣ).

Что, негодная скотина! ты все держишь! Иль забылъ,
Какъ за кражей винограда ловко я тебя накрылъ,
Какъ *у маслины* отлично отодралъ за воровство,
Всѣмъ на зависть? Ты, выходитъ, не восчувствовалъ добра.
Убирайтесь прочь вы оба, пока сынъ не прибѣжалъ.

Хоровожатый.

Погодите же, за это мы съ лихвой заплатимъ вамъ;
Вы узнаете сейчасъ же нравъ такихъ людей, какъ мы,
Нравъ сторонниковъ закона, непреклонный и крутой.
(Бросаются на слугъ. Шумъ).

Сосій.

Бей ихъ, Ксанѳій, отгоняй ихъ, этихъ осъ отъ дома прочь.

Ксанѳій.

Я и бью, а ты имъ дыму, да побольше подпусти.

Сосій.

Кышъ! подальше! Ну васъ къ черту! Колоти дубиной ихъ!

Ксанѳій.

Ты *Эсхиномъ* Селлартидомъ подыми еще на нихъ.
(Старики отступаютъ).

Сосій.

Наконецъ-то удалось намъ отогнать отсюда васъ.

Ксанѳій.

Но, клянусь, не такъ-то скоро ты бъ отдѣлался отъ нихъ,

Если бы они наѣлись *Филоклеевыхъ* стиховъ.

Хоръ.

Бѣдный людъ! ужъ нѣтъ сомнѣнья, что подкралась незамѣтно
тиранія: незамѣтно
Насъ опутала она,
Если ты, второй Аминій, негодяй, косматый фатъ,
Вопреки велѣнью гражданъ
Въ судъ ходить мѣшаешь намъ
Безъ разумныхъ основаній,
Безъ искусныхъ убѣжденій,
Самовластно, какъ монархъ.
(Изъ дому выходитъ на сцену Бделиклеонъ съ отцомъ, котораго по-прежнему держатъ слуги).

Бделиклеонъ.

Что за яростные вопли! Что за битва! Лучше намъ
Приступить къ переговорамъ и уладить мирно все.

Хоровожатый.

Что?! Съ тобою! Съ монархистомъ! Съ *государственнымъ врагомъ*!
Со сторонникомъ Брасида, съ тѣмъ, кто носитъ на вѣнкѣ
Бахрому и по-спартански бородищу отпустилъ!

Бделиклеонъ.

О Зевесъ! Нѣтъ, лучше вовсе мнѣ отречься отъ отца,
Чѣмъ отъ этакихъ напастей отбиваться каждый день.

Хоровожатый.

Да и мы ни съ чѣмъ остались: не добились „ни хрѣна́“,
Выражаяся базарной поговоркою. Теперь
Ты и въ усъ себѣ не дуешь, но постой же: адвокатъ
Дастъ вамъ баню: онъ притянетъ васъ, измѣнниковъ, къ суду.

Бделиклеонъ.

Ради бога, отвяжитесь отъ меня вы, наконецъ:
Я охоты не имѣю *биться* съ вами цѣлый день.

Хоръ.

Ни за что! Мы животъ свой положимъ въ бою.
Ты желаешь въ тираны надъ нами попасть.

Бделиклеонъ.

Все-то вамъ вездѣ тираны, заговорщики вездѣ;
Въ пустякахъ и въ дѣлѣ важномъ,—всюду видите вы ихъ;
Даже тѣни тираніи не видать ужъ много лѣтъ,
А теперь соленой рыбой такъ не заняты, какъ ей.
На базарѣ даже стали о тиранахъ всѣ кричать:
Ты себѣ торгуешь карпа, не салакушку,—сейчасъ
Продавецъ дешевой рыбы тутъ же рядомъ заворчитъ:
„Этотъ, кажется, припасы выбираетъ, какъ тиранъ."
Спросишь луку на базарѣ, чтобъ приправить имъ сардель,—
Посмотрѣвъ съ пренебреженьемъ, зеленщица говоритъ:
„Ахъ, скажите! Луку надо! Иль тираномъ хочешь быть?
Иль должны тебѣ Аѳины дань приправами платить?"

Ксанѳій.

Въ полдень къ дѣвкѣ непотребной я зашелъ вчерашній день
И катать ее собрался, а она озлилась вдругъ
И вскричала: „Какъ! Ты хочешь Гиппіемъ тираномъ быть?"

Бделиклеонъ.

Это такъ; теперь далось имъ слово это на языкъ.
Вотъ и я хочу избавить злополучнаго отца
Отъ привычки раноходносудокляузнобольной,
Чтобъ, какъ Морихъ, благородно могъ онъ жить,— и я же вдругъ
Въ тираническихъ стремленьяхъ и въ измѣнѣ обвиненъ!

Филоклеонъ.

По дѣломъ тебѣ, ей богу! И на птичье молоко
Не смѣняю я той жизни, отъ которой ты меня
Отстраняешь; мнѣ не надо ни угрей, ни скатовъ: я

Небольшой, въ горшкѣ тушеный, съѣмъ охотнѣе процессъ.

Бделиклеонъ.

Ну, конечно, этимъ блюдомъ объѣдаться ты привыкъ.
Впрочемъ, если помолчишь ты и послушаешь меня,
То, надѣюсь, убѣдишься, что всецѣло ты не правъ.

Филоклеонъ.

Я не правъ! Судья присяжный?!

Бделиклеонъ.

Оглянися на себя:
Тѣ, кому ты ноги лижешь, всѣ смѣются надъ тобой;
Своего не видишь рабства.

Филоклеонъ.

Ты о рабствѣ помолчи,
Я повелѣваю всѣми!

Бделиклеонъ.

Нѣтъ, не ты! Ты лишь слуга,
Хоть и мнишь себя владыкой. Въ самомъ дѣлѣ, объясни:
Вы, хозяева Еллады, много ль значите въ странѣ?

Филоклеонъ.

Я готовъ,
(указывая на хоръ)
а насъ разсудятъ вотъ они.

Бделиклеонъ.

Готовъ и я.
(Слугамъ).
Отпустить его!

Филоклеонъ.

Подайте мечъ скорѣе кто-нибудь:
Если мнѣ придется сдаться, въ грудь себѣ всажу его.
(Одинъ изъ слугъ приноситъ мечъ).

Бделиклеонъ (отцу).

Ну, а если приговоръ ихъ ты не примешь, что тогда?

Филоклеонъ.

Пусть не пить мнѣ чаши... денегъ въ честь благого божества.

Хоръ (Филоклеону).

Теперь, какъ членъ судейской клики,
Ты новизною рѣчи долженъ
Всѣхъ поразить и показать,—

Бделиклеонъ (слугамъ).

Скорѣе письменный приборъ изъ дома принесите.
(Хору).
Смотрите, съ подстрекательствомъ не сядьте на мель сами.

Хоръ (продолжая).

Что ты, старикъ, искуснѣй въ спорѣ
Молокососа. Помни крѣпко,
Что не на шутку будетъ споръ,
И потерять мы все рискуемъ,
Когда,—минуй насъ это горе!—
Онъ верхъ одержитъ надъ тобой.

(Слуга приноситъ приборъ).

Бделиклеонъ.

Все то, что скажетъ мнѣ старикъ, я здѣсь отмѣчу вкратцѣ.

Филоклеонъ (хору).

Что будетъ, говорите вы, когда онъ верхъ одержитъ?

Хоръ.

Тогда ни на какое дѣло
Годны не будутъ старики;
Тогда на каждомъ перекресткѣ
Насъ вѣтконосами звать будутъ
И скажутъ: „вотъ судейскій хламъ!“

Хоровожатый.

Ну, товарищъ, тебѣ предстоитъ говорить о могуществѣ царственномъ нашемъ;

Ужъ пора; начинай состязанье смѣлѣй, разверни краснорѣчія силу.

Филоклеонъ (сыну).

Отъ барьера мой бѣгъ я не медля начну и тебѣ доказать постараюсь,
Что могуществомъ нашимъ любому царю мы ничуть и ничуть не уступимъ.
Кто довольнѣй собой, кто счастливѣе всѣхъ въ наше время на свѣтѣ, скажи мнѣ.
Кто привольнѣй живетъ? Кто гроза для людей? То— судья, и тѣмъ болѣе—старецъ.
Я съ постели встаю, а меня ужъ давно у судейскихъ дверей поджидаютъ
Все преважный народъ, воротилы, тузы... Подойти я къ суду не успѣю,
А они ужъ суютъ руки жирныя мнѣ, побывавшія въ кассѣ народной,
И съ мольбою склонясь предо мной до земли, разливаются въ жалобныхъ воплях:
„Умоляю тебя, пожалѣй, мой отецъ; можетъ быть, ты и самъ поживился,
Когда должность имѣлъ или войско снабжалъ провіантомъ въ военное время“.
Я—ничто для него, но онъ знаетъ меня потому, что оправданъ былъ мною.

Бделиклеонъ (записывая).

Что сказалъ ты сейчасъ о просителяхъ, мы для себя зарисуемъ на память.

Филоклеонъ.

Наконецъ, я вхожу, умиленный душой, нагруженный мольбами, безъ гнѣва,
Но въ судѣ никакихъ обѣщаній моихъ исполнять не имѣю привычки,
Только слушаю я, какъ на всѣ голоса завываютъ они о пощадѣ.
И какихъ-же, какихъ обольстительныхъ словъ въ засѣданье судья не услышитъ!

Вотъ на бѣдность свою плачетъ горько одинъ и несчастья свои умножаетъ
Все еще и еще и дойдетъ, наконецъ, до того, что сравнится со мною;
Тотъ намъ басню прочтетъ; этотъ, точно Эзопъ, зареветъ передъ нами забавно,
А иные острятъ, чтобы насъ разсмѣшить и смирить раздраженіе наше,
Но увидѣвъ, что мы не поддались ему, онъ ребятъ поскорѣе притащитъ,
Приведетъ сыновей, приведетъ дочерей... Я сижу и внимаю защитѣ,
А они-то повѣсятъ носы и ревутъ, и опять ихъ отецъ, точно бога,
Умолять насъ начнетъ, заклиная дѣтьми, и пощады трепещущій проситъ:
„Если крикомъ ягнятъ веселится вашъ слухъ, ради голоса мальчика сжальтесь;
Если визгъ поросятъ больше радуетъ васъ, ради дочки меня пожалѣйте.“
Ну, тогда мы чуть-чуть станемъ мягче къ нему, раздраженія струны ослабимъ...
Или это не власть, не великая власть? Не глумимся ли мы надъ богатствомъ?

Бделиклеонъ.

Вотъ еще за тобой преимущество я запишу: надъ богатствомъ глумленье;
Но сказать не забудь, что за выгоды ты, повелитель Еллады, имѣешь.

Филоклеонъ.

Когда юношей къ намъ на осмотръ приведутъ, мы любуемся ихъ наготою,
А когда къ намъ на судъ попадется Эагръ, не дождаться ему оправданья
До тѣхъ поръ, пока онъ не прочтетъ предъ судомъ образцовый отрывокъ Ніобы;
А когда музыкантъ побѣдитъ на судѣ, то въ награду за выигрышъ дѣла

Онъ съ ремнемъ на губахъ мелодичной игрой выходящихъ судей провожаетъ.
Если умеръ отецъ и наслѣдницѣ самъ въ завѣщаніи мужа назначилъ,
То пускай завѣщанье его и печать, заключенная важно въ футлярѣ,
Отъ досады ревутъ, если могутъ,—они для суда не имѣютъ значенья:
Сироту отдаемъ мы женою тому, кто мольбами склонить насъ сумѣетъ,
И отчета мы въ томъ никому не даемъ, не въ примѣръ остальнымъ учрежденьямъ.

Бделиклеонъ.

Это важная вещь, и за это одно я счастливымъ тебя называю,
Хотя ты и не правъ, завѣщанье отца о наслѣдницѣ такъ нарушая.

Филоклеонъ.

Самъ сенатъ и народъ, затрудняясь порой въ разрѣшеніи важнаго дѣла,
Усмотрѣнью присяжныхъ судей предаетъ подсудимыхъ особымъ декретомъ,
А Еваѳлъ и великій трусишка—пролазъ, Колаконимъ, свой щитъ потерявшій,
То и дѣло твердятъ, что не выдадутъ насъ, что горой за народъ они станутъ;
И въ народномъ собраньи никто никогда не проводитъ своихъ начинаній,
Не предложивъ судебныхъ палатъ распустить по рѣшеніи перваго дѣла.
Самъ горластый Клеонъ, оглушающій всѣхъ, только насъ не грызетъ, какъ собака,
А могучей рукой отъ напастей хранитъ, надоѣдливыхъ мухъ отгоняя.
Я отецъ твой, но ты никогда вотъ меня не утѣшилъ подобнымъ вниманьемъ,
А Ѳеоръ напримѣръ? Вѣдь такой человѣкъ не уступитъ Евфимію даже,

Но и онъ не гнушается съ губкой въ рукахъ нашу обувь почистить надъ тазомъ.
Посмотри же, какихъ ты лишилъ меня благъ, заставляя въ неволѣ томиться.
Гдѣ же рабство мое? Гдѣ служу я другимъ, какъ ты мнѣ доказать собирался?

Бделиклеонъ.

Говори, сколько влѣзетъ; потомъ все равно говорить о величіи власти
Перестанешь: тогда и окажешься ты побѣдителемъ съ . . . .

Филоклеонъ.

Но пріятнѣе всѣхъ мнѣ судейскихъ утѣхъ,—я сказать позабылъ,—вотъ какая:
Когда я ворочусь съ тріоболомъ домой, домочадцы гурьбою обступятъ
И начнутъ лебезить, знаютъ:—деньги принесъ! Первымъ долгомъ меня моя дочка
И омоетъ, и ноги мои умаститъ, и, прижавшись ко мнѣ, поцѣлуетъ,
И лепечетъ мнѣ: „папочка мой", а сама *языкомъ своимъ удитъ* монету.
Чтобъ умаслить меня, моя женушка мнѣ мягкій хлѣбъ предлагаетъ любовно,
И, усѣвшись рядкомъ, угощаетъ меня: „ты вотъ этого, милый, покушай,
Вотъ отвѣдай того." Сердце радуется! Я тогда не подумаю даже
Ни смотрѣть на тебя, ни справляться о томъ, скоро ль кушанье поваръ сготовитъ,
Проклиная меня и ворча, что опять ему скоро готовить придется.

(Дѣлаетъ жестъ, какъ бы отсчитывая деньги).

Вотъ гдѣ есть у меня „утоленіе золъ" и „надежный оплотъ противъ копій".
Если кружку вина не нацѣдишь ты мнѣ,—не бѣда: я имѣю осленка;
Въ немъ вино до краевъ, наклоню и тяну, а осленокъ съ разинутой пастью

На посуду твою и . . . и реветъ такъ воинственно, такъ громогласно.
Наша власть неужели ничтожна?
Только Зевсу такая доступна,
Только съ нимъ наравнѣ ставятъ насъ.
Въ самомъ дѣлѣ, когда зашумимъ мы въ судѣ,
То прохожій народъ, услыхавъ, говоритъ:
„Слышишь, громъ-то какой раздается въ судѣ!
„Царь Зевесъ!" А когда
Брошу молнію я, то мои богачи
Заикаться начнутъ и . . . . ,
Куда спѣсь пропадетъ;
Да и ты вѣдь изрядно боишься меня,
Да, клянуся Деметрой, боишься, а я,—
Провалиться мнѣ, если боюсь я!

Хоръ.

Нѣтъ, никогда я не слыхалъ,
Чтобъ говорить могъ кто-нибудь
Такъ ясно, такъ понятно.

Филоклеонъ.

Нѣтъ, онъ-то! Думалъ, что ему я *уступлю безъ бою!*
Давно пора бы знать ему, что говорить я мастеръ.

Хоръ.

И все-то, все-то разобралъ,
И ничего не упустилъ;
Я слушалъ и гордился
И думалъ, что *сужу*
На Островахъ Блаженныхъ:
Такъ сладко было слушать.

Филоклеонъ.

Уже закорчило его, опомниться не можетъ.
Смотри, сегодня хвостъ поджать тебя ужъ я заставлю.

Хоръ (Бделиклеону).

Чтобъ защититься, долженъ ты
Всѣ извороты въ ходъ пустить:
Нашъ гнѣвъ унять не такъ легко,

А для того, кто противъ насъ,
Еще труднѣе это.

Хоровожатый.

Постарайся теперь себѣ мельницу ты подыскать по-
новѣй и получше,
Чтобъ могла размолоть нашу ярость она, если намъ
пустяковъ ты наскажешь.

Бделиклеонъ.

Много надо труда, много надо ума, не осилятъ актер-
скія дрожжи,
Чтобъ отчизну мою излѣчить, наконецъ, отъ болѣзни
ея застарѣлой,
Но начнемъ: „О Кронидъ, отче нашъ!“...

Филоклеонъ.

Перестань! Ты
взываешь къ отцу понапрасну.
Если только ты мнѣ не докажешь сейчасъ, что
другимъ я служу раболѣпно,
Я тебя растерзаю, хотя бы пришлось мнѣ лишиться
участія въ жертвахъ.

Бделиклеонъ.

Ахъ ты, папочка мой, не сердись, прогони складки
гнѣва съ лица и послушай.
Разочти-ка сперва приблизительно мнѣ не на счетахъ,
а просто на пальцахъ,
Сколько подати къ намъ ото всѣхъ городовъ, если все
сосчитать, поступаетъ,
Да прибавь-ка сюда всѣ налоги еще, да доходъ двух-
процентный съ привоза,
Да съ базаровъ, съ суда, рудниковъ, пристаней, да съ
арендъ и народныхъ имуществъ.
Всѣхъ доходовъ такихъ приблизительно мы до двухъ
тысячъ талантовъ имѣемъ.
Изъ доходовъ теперь для присяжныхъ судей отдѣли
ежегодную плату;
Ихъ шесть тысячъ всего, такъ какъ больше въ
странѣ подходящихъ людей не найдется,

И выходитъ, что мы на присяжныхъ судей полтара-
ста талантовъ издержимъ.

Филоклеонъ.

Что же, стало быть, намъ и десятая часть изъ дохода
всего не придется?

Бделиклеонъ.

Зевсъ свидѣтель, что нѣтъ.

Филоклеонъ.

Но куда же уйдутъ послѣ этого прочія деньги?

Бделиклеонъ.

А на тѣхъ, кто кричитъ: „Не продамъ я врагамъ
благоденствія массы народной,
Но всегда постою я горой за народъ.“ Вѣдь, сознайся,
отецъ мой, ты самъ же
Въ господа надъ собой выбираешь такихъ, подаваясь
на льстивыя рѣчи,
А они между тѣмъ набиваютъ мошну и за разъ по
полсотнѣ талантовъ
Вымогаютъ нахально съ другихъ городовъ, и грозятъ,
и пугаютъ при этомъ:
„Вы дадите мнѣ дань, иль иначе у васъ не оставлю
я камня на камнѣ,“
А тѣмъ временемъ самъ ты доволенъ и тѣмъ, что
костей твоей „власти“ погложешь.
Лишь узнали союзники наши, что здѣсь оборванцевъ
голодная стая
Возлѣ урны справляетъ свой нищенскій пиръ, гдѣ
поѣсть-то ей нечего даже,
То и стали смотрѣть на тебя, какъ на... шаръ мота
Конна, а этимъ пройдохамъ
Преподносятъ кувшины, вино и ковры, медъ и сыръ,
и плоды, и подушки,
Чаши, кубки, вѣнки, ожерелья, плащи на здоровье,
довольство и радость.
Ты скитался по разнымъ землямъ и морямъ и добился
владѣній и власти,

А тебѣ хоть бы кто чесноку подарилъ для приправы къ жаркому за это.

Филоклеонъ.

Правда, самъ я вчера къ Евхариду послалъ чесноку мнѣ купить три головки;
Мнѣ однако хотѣлось бы очень узнать, гдѣ тутъ рабство мое ты находишь.

Бделиклеонъ.

Развѣ это не крайнее рабство? Они получили и власть, и вліянье;
Въ должностяхъ состоятъ прихлебатели ихъ, да берутъ еще плату за службу,
А тебѣ подадутъ три обола,— и ты просіялъ, хоть за эти оболы
Ты трудился въ поту, осаждалъ города, на моряхъ и на сушѣ сражался.
И при этомъ тебя понукаютъ еще! Я всегда задыхаюсь отъ злобы,
Когда въ домъ за тобой эта гнусная тварь, сынъ Херея непрошенный влѣзетъ,—
Выступаетъ вотъ такъ и вихляется весь и какого-то барина корчитъ,—
И велитъ приходить тебѣ въ судъ на зарѣ, не опаздывать, иначе всякій,
Кто къ началу суда не придетъ изъ судей, трехъ оболовъ своихъ не получитъ,
А ему все равно, хоть и поздно придетъ, какъ защитнику, драхму заплатятъ.
Подѣливъ съ кѣмъ-нибудь изъ судейскихъ чиновъ съ подсудимаго взятую взятку,
Въ незаконное онъ соглашенье войдетъ и начнетъ эта пара стараться:
Весь процессъ проведутъ, точно пильщики, въ разъ: тотъ потянетъ, а этотъ отпуститъ.
Ты разинешь свой ротъ предъ кассиромъ суда и не видишь, что тутъ происходитъ.

Филоклеонъ.

Такъ проводятъ меня!! Что сказалъ ты, увы! Взволновалъ ты до дна мою душу,
И вниманье мое все сильнѣй и сильнѣй; я понять не могу, что со мною.

Бделиклеонъ.

Посмотри: ты и самъ, и народъ, весь народъ благоденствовать могъ бы свободно,
Но не знаю я, какъ спеленали тебя благодѣтели массы народной.
Отъ Сардиніи власть ты до Понта простеръ, и громадны владѣнія эти,
Но тебѣ ничего, кромѣ платы твоей не даютъ, да и ту лишь по каплѣ,
По-немногу за разъ, точно масло, тебѣ источаютъ для нуждъ ежедневныхъ.
Цѣль прямая у нихъ, чтобы бѣденъ ты былъ, а зачѣмъ это имъ, объясню я:
Для того, чтобы зналъ ты хозяина, да, для того, чтобъ по первому свисту
На враговъ, на которыхъ тебя натравятъ, ты подобно собакѣ кидался.
Если бъ средства они захотѣли добыть, это было бъ не трудно исполнить:
Нынѣ тысяча есть городовъ, что везутъ свою дань ежегодно въ Аѳины;
Если бъ каждый изъ нихъ обязать содержать отъ себя двадцать гражданъ аѳинскихъ,
Двадцать тысячъ людей проживало бъ тогда въ изобиліи полномъ: дичины,
Всевозможныхъ вѣнковъ, творога, молока отъ коровъ новотельныхъ—по горло,
Какъ и слѣдуетъ жить людямъ славной страны, заслужившимъ трофей Мараѳона,
А теперь, какъ поденщики жалкіе, вы къ своему казначею пришиты.

Филоклеонъ (роняя мечъ).

Что же это со мной? Охъ!... Я чувствую... охъ!... по рукамъ разлилось онѣмѣнье...

Мечъ упалъ, не могу удержать я его... силы нѣтъ...
я слабѣю, слабѣю!

Бделиклеонъ.

А когда они сами бояться начнутъ, отдаютъ вамъ
Евбею въ добычу,
Обѣщаютъ народу пщеницы раздать по полсотнѣ
медимновъ на брата,
Но всего только разъ ячменя дали вамъ по пяточку
медимновъ недавно,
Да и то гражданинъ въ инородцы попасть рисковалъ
за отмѣренный гарнецъ.
Вотъ зачѣмъ запиралъ я тебя: я хотѣлъ
Тебя самъ содержать, чтобы тѣмъ господамъ
Надъ тобой издѣваться нахально не дать;
И теперь я готовъ все доставить тебѣ,
Чего хочетъ душа,
Лишь не пей молока... казначея.

Хоровожатый.

Безъ сомнѣнія тотъ былъ уменъ, кто сказалъ, что не
выслушавъ мнѣній противныхъ,
Не должно и судить. Да, мы видимъ теперь, что
правѣе ты насъ несравненно.
Раздраженіе наше исчезло уже, и бросаемъ жезлы мы
на землю.

Хоръ.

Товарищъ старый нашъ,
Благоразумнѣй будь, послушайся его,
Оставь настойчивость и нравъ упрямый свой.
О если бъ и меня подобный опекунъ
Иль добрый родственникъ на разумъ наставлялъ!
Воочію тебѣ
На помощь богъ пришелъ;
Воочію тебѣ онъ дѣлаетъ добро,
Прими же даръ его.

Бделиклеонъ.

Право, я старику, все что нужно ему
Предоставлю: ячменный отваръ,

Мѣховую накидку и мягкій плащъ
И дѣвченку найду для него растирать
Поясницу . . . . . .
Но молчитъ мой старикъ, хоть бы что промычалъ;
Не пріятно мнѣ это молчанье.

Хоръ.

Онъ видитъ, наконецъ, что страсть его была
Безуміемъ; теперь старикъ взялся за умъ;
Созналъ ошибку онъ и понялъ, что досель
Твоимъ внушеніямъ напрасно не внималъ.
Теперь, навѣрно, онъ
Послушаетъ тебя,
А уступивъ тебѣ и нравъ свой измѣнивъ,
Поступитъ онъ умно.

Филоклеонъ.

Охо-хо-хо-хо-хо!

Бделиклеонъ.

Что охаешь, отецъ?

Филоклеонъ.

Мнѣ не надо совсѣмъ обѣщаній твоихъ.
„Тамъ все сердце мое, тамъ желалъ бы я быть“,
Гдѣ глашатай кричитъ: „Кто не подалъ еще
Голосовъ, пусть встаютъ“,
И поднялся бы я, возлѣ урны бы всталъ
И послѣднимъ туда положилъ бы мой шаръ.
„О душа, поспѣши! Гдѣ блуждаетъ она?
Разступись, навкъ души!“ И Геракломъ клянусь,
Пусть теперь мнѣ еще, когда буду судьей,
Попадется Клеонъ въ лихоимствѣ!

Бделиклеонъ.

Молю тебя, отецъ, послушайся меня.

Филоклеонъ.

Исполню все, что хочешь, кромѣ одного.

Бделиклеонъ.

Чего?

Филоклеонъ.

Судьею быть мнѣ не мѣшай. „Скорѣй
Пойду на судъ я въ адъ, чѣмъ соглашусь съ тобой.“

Бделиклеонъ.

Когда уже тебѣ пріятно такъ судить,
То не ходи туда, а оставайся здѣсь
И судъ производи надъ слугами въ дому.

Филоклеонъ.

Какъ такъ? Что мелешь ты?

Бделиклеонъ.

Продѣлай все, какъ тамъ:
Служанка наша дверь тайкомъ откроетъ,—ты
Въ размѣрѣ драхмы штрафъ назначь за это ей:
Вѣдь то же дѣлаютъ у васъ и на судѣ.
День ясный выдастся,—на солнышкѣ чини
Свою расправу, какъ оно и должно быть,
А снѣгъ иль дождь пойдетъ,—суди у очага;
Когда пробудишься въ полдневные часы,
Рѣшетки не запрутъ, какъ тамъ, передъ тобой.

Филоклеонъ.

Мнѣ это по душѣ.

Бделиклеонъ.

Затянется процессъ,—
Ты можешь закусить: полегче будетъ такъ
И подсудимому и самому тебѣ.

Филоклеонъ.

Но можно ли судить и вмѣстѣ съ тѣмъ жевать?
По-прежнему ль хорошъ мой будетъ приговоръ?

Бделиклеонъ.

Гораздо лучше, вѣрь; не даромъ говорятъ:
„Когда свидѣтель лжетъ, то долженъ дѣло судъ
Старательно жевать, чтобъ истину узнать.“

Филоклеонъ.

Я убѣжденъ почти. Ты не сказалъ еще,
Кто будетъ мнѣ платить?

Бделиклеонъ.

Я.

Филоклеонъ.

Это хорошо:
Я буду получать одинъ; а то со мной
Однажды Лисистратъ прегадко подшутилъ.
Нахалъ! Недавно съ нимъ я драхму получилъ;
Пошли мы на базаръ; онъ размѣнялъ ее,
А мнѣ вложилъ въ ладонь три рыбьихъ чешуи;
Принявъ за серебро, я въ ротъ сейчасъ же ихъ...
Конечно, вырвало отъ вони... Въ судъ его
Грозилъ я потянуть.

Бделиклеонъ.

Онъ что отвѣтилъ?

Филоклеонъ.

Что?
Сказалъ, что у меня желудокъ пѣтуха,
Смѣется: „деньги ты легко переваришь.“

Бделиклеонъ.

Вотъ видишь, выгода и въ этомъ для тебя.

Филоклеонъ.

Да и не малая. Давай устроимъ такъ.

Бделиклеонъ.

Повремени: сейчасъ, что надо, принесу.

(Уходитъ).

Филоклеонъ.

Смотри же, какъ сбылись оракула слова!
Когда-то слышалъ я, что всѣ дѣла суда
Со временемъ въ домахъ мы будемъ разбирать,
И каждый гражданинъ построитъ у себя

Въ сѣняхъ сидилище размѣровъ небольшихъ,
Съ часовенку Гекаты. Въ каждомъ домѣ судъ!

Бделиклеонъ (входитъ со слугами, которые несутъ жаровню, горшокъ, пѣтуха, кружки, маленькое изображеніе Лика).

Смотри, что скажешь ты? Я все тебѣ принесъ,
О чемъ я говорилъ, и многое еще.
Захочешь ты . . . . , такъ вотъ тебѣ горшокъ;
Его повѣшу я поблизости на гвоздь.
(Вѣшаетъ на стѣну).

Филоклеонъ.

Умно придумалъ ты: горшокъ для старика
При задержаніи мочи необходимъ.

Бделиклеонъ.

А вотъ жаровенка, на ней поставленъ супъ;
Захочешь,—и поѣшь.

Филоклеонъ.

И это хорошо:
Случись со мною жаръ, я платы не лишусь;
Хоть дома просижу, супъ будетъ у меня...
А пѣтуха зачѣмъ сюда вы принесли?

Бделиклеонъ.

Защиту слушая, ты, можетъ быть, заснешь,
Такъ пѣніемъ своимъ тебя разбудитъ онъ.
(Сажаетъ пѣтуха на гвоздь).

Филоклеонъ.

Все это хорошо, одно бы только—

Вделиклеонъ.

Что?

Филоклеонъ.

Изображенье Лика надо принести.

Бделиклеонъ (подавая).

Да я принесъ его: вотъ самъ владыка Ликъ!

Филоклеонъ.

Герой и царь, страшусь смотрѣть я на тебя:
Онъ такъ же выглядитъ, какъ храбрый Клеонимъ.

Сосій.

И правда: хоть герой, но нѣтъ при немъ щита.

Бделиклеонъ.

Ты сѣлъ бы поскорѣй, тогда бы и процессъ
Скорѣе началъ я.

Филоклеонъ (садясь на скамейку).

Сижу, сижу, начни!

Бделиклеонъ.

Какой бы мнѣ процессъ на первый разъ внести?
Кто преступленіе свершилъ изъ слугъ моихъ?
Да! Вотъ! На дняхъ горшокъ у Ѳратты пригорѣлъ—

Филоклеонъ (перебивая).

Эй ты, постой! Сгубить меня ты захотѣлъ?
Ты безъ рѣшетки вѣдь собрался засѣдать,
А это первая, священнѣйшая вещь!

Бделиклеонъ.

О Зевсъ, вѣдь нѣтъ ея!

Филоклеонъ.

Я побѣгу сейчасъ
И мигомъ принесу ее изъ дома самъ.
(Убѣгаетъ).

Бделиклеонъ.

Ну, штука! Какъ сильна привычка къ мѣсту въ насъ!

Ксанѳій (вбѣгая).

Ахъ, дуй тебя горой! Корми такого пса!

Бделиклеонъ.

Что тамъ у васъ?

Ксанѳій.

Да вотъ сейчасъ Лабетка песъ

На кухню забѣжалъ и сицилійскій сыръ
Схватилъ, и уволокъ, и весь его сожралъ.

Бделиклеонъ.

Его проступокъ мы и отдадимъ на судъ
Отцу на первый разъ. Ты можешь обвинять.

Ксанѳій.

О Зевсъ! Въ томъ нѣтъ нужды: другой согласенъ песъ
Быть обвинителемъ, какъ жалобу внесутъ.

Бделиклеонъ.

Веди же ихъ сюда.

Ксанѳій.

Сейчасъ.

Бделиклеонъ (отцу, входящему съ плетенкой).

Ты что несешь?

Филоклеонъ.

Несу свиной котухъ, а взялъ отъ очага.

Бделиклеонъ.

Ты святотатствуешь!

Филоклеонъ.

Собравшись доконать,
Съ богини очага я долженъ начинать.
Однако, поживѣй: мнѣ хочется казнить.

Бделиклеонъ.

Сейчасъ добуду стиль и доску для письма.
(Уходитъ).

Филоклеонъ (ему вслѣдъ).

Охъ, уморишь меня медлительностью ты:
Вѣдь могъ бы ногтемъ я писать и на землѣ.

Бделиклеонъ (возвращаясь).

Вотъ и принесъ.

Филоклеонъ (нетерпѣливо).

Ну, начинай.

Бделиклеонъ.

Приступимъ.

Филоклеонъ.

Эй!
Кому тамъ первому?

Бделиклеонъ.

Досадно, песъ возьми!
Я урны позабылъ изъ дома принести.
(Хочетъ уйти).

Филоклеонъ.

Куда ты побѣжалъ?

Бделиклеонъ.

За урнами.

Филоклеонъ.

Оставь!
Зачѣмъ, когда у насъ вотъ эти кружки есть.

Бделиклеонъ.

Отлично! Ну, теперь у насъ всѣ вещи есть,
Какія намъ нужны, клепсидры только нѣтъ.

Филоклеонъ (указывая на висящій горшокъ).

А вотъ посудина! Клепсидра—хоть куда.

Бделиклеонъ.

Прекрасно! ты гораздъ на выдумки, отецъ.
(Слугамъ).
Скорѣе кто-нибудь неси сюда углей,
Подайте ладану и миртовыхъ вѣнковъ:
Моленія богамъ сперва мы вознесемъ.

(Приказаніе исполняется; Бделиклеонъ приступаетъ къ жертвоприношенію, а слуги обставляютъ сцену на подобіе суда).

Хоръ.

Сочувствуя молитвамъ предстоящимъ
И возліянію,
Привѣтствуемъ мы добрымъ пожеланьемъ
Конецъ раздоровъ вашихъ и вражды,
Столь благородно миромъ завершенныхъ.
Благоговѣніе да будетъ въ этотъ часъ.

Бделиклеонъ (у статуи Аполлона).

О Фебъ, пиѳійскій богъ, удачу ниспошли—

Хоръ.

—Въ томъ дѣлѣ, что затѣялъ
Предъ домомъ онъ; да будетъ намъ
Оно во благо послѣ всѣхъ
Ошибокъ нашихъ,
Спаситель, Пеанъ!

Бделиклеонъ.

Всемогущій владыка, сосѣдъ Агіей, предъ моими дверями стоящій,
Небывалую жертву, которую мы для отца совершаемъ, пріемли,
Исцѣли старика отъ упрямства его, исцѣли отъ язвительной злобы,
Умири ядовитую душу его и пролей въ нее капельку меду,
Чтобы онъ, наконецъ, къ человѣчеству сталъ
Снисходительнѣе,
Чтобы болѣе онъ подсудимыхъ жалѣлъ,
Чѣмъ противниковъ ихъ,
Чтобъ рыдалъ онъ, когда зарыдаютъ предъ нимъ,
Чтобъ оставилъ на вѣки суровость свою
И изъ мрачной души
Всю крапиву повыдергалъ съ корнемъ.

Хоръ.

Прекрасна рѣчь твоя. Свою мольбу съ твоей
Соединяемъ мы и славимъ новый судъ.
Тебя мы полюбили,
Когда увидѣли, что ты

Такой народникъ, какъ никто
Изъ молодыхъ.

(Слуги вводятъ двухъ собакъ).

Бделиклеонъ (въ роли предсѣдателя).

Какой тамъ есть судья за дверью, пусть войдетъ:
Когда начнется рѣчь, не впустимъ никого.

Филоклеонъ.

Кто здѣсь отвѣтчикомъ? Задамъ же я ему!

Ксанѳій.

Внимайте жалобѣ. Ее приноситъ песъ
Участка Кидаѳинъ: „Эксонскій песъ Лабетъ
Меня обидѣлъ тѣмъ, что сицилійскій сыръ
Онъ съѣлъ одинъ. Кара—смоковничный арканъ“.

Филоклеонъ.

Собачья смерть ему, разъ будетъ осужденъ!

(Подводятъ Лабета).

Бделиклеонъ.

Вотъ обвиняемый Лабетъ передъ тобой.

Филоклеонъ.

Ахъ ты, негодный песъ! И смотритъ-то, какъ воръ.
Ишь, замахалъ хвостомъ! Онъ думаетъ надуть.
А гдѣ истецъ у насъ? Гдѣ кидаѳинскій песъ?

(Его подводятъ).

Собака.

Хамъ! хамъ!

Бделиклеонъ.

Вотъ самъ истецъ.

Филоклеонъ (встаетъ).

Да онъ—второй Лабетъ:
Облизывать горшки и лаять—молодецъ!

Бделиклеонъ.

Молчи, сиди.

(Ксанѳію).

А ты взойди и обвиняй.

Филоклеонъ (беретъ кружку и пьетъ).

Тѣмъ временемъ къ вину держать я буду рѣчь.

Ксанѳій (влѣзая на опрокинутое корыто, говоритъ отъ имени собаки).

О судьи, на него претензію мою
Ужъ выслушали вы. Не одного меня,
А всѣхъ матросовъ онъ обидѣлъ глубоко:
Легко ль?—Огромный сыръ онъ въ уголъ утащилъ
И усицилилъ тамъ безъ вѣдома другихъ.

Филоклеонъ.

О Зевсъ, сомнѣнья нѣтъ! Сейчасъ вотъ на меня
Преотвратительно онъ сыромъ отрыгнулъ,
Поганый песъ!

Ксанѳій.

И не далъ мнѣ, хоть я просилъ,
А будетъ ли служить вамъ вѣрно тотъ, кто мнѣ,
Собакѣ, и куска не броситъ никогда?

Филоклеонъ.

Ни крошки не далъ?

Ксанѳій.

Нѣтъ, а мы еще друзья!

Филоклеонъ (принимаясь за супъ).

Ну, парень теплый онъ, какъ есть вотъ этотъ супъ.

Бделиклеонъ.

Молю тебя, отецъ, не предрѣшай впередъ,
А выслушай обоихъ.

Филоклеонъ.

Другъ ты милый мой:
Вѣдь дѣло ясное, вѣдь дѣло вопіетъ.

Ксанѳій.

Не отпускайте пса. Нѣтъ жадныхъ псовъ такихъ,

Какъ этотъ господинъ: всегда онъ жретъ одинъ;
Не даромъ по морю объѣхалъ ступку онъ
И корку сырную объѣлъ у городовъ.

Филоклеонъ.

А трещину я чѣмъ замажу на горшкѣ?

Ксанѳій.

Итакъ, казните пса; „въ однихъ кустахъ никакъ
Два вора вмѣстѣ жить не могутъ.“ Не хочу,
Чтобъ лай мой попусту предъ вами пропадалъ;
Въ противномъ случаѣ я смолкну навсегда.

Филоклеонъ.

Ого-го-го!
Какимъ мерзавцемъ ты представилъ намъ его!
Онъ несомнѣнный воръ. А ты, пѣтухъ, о немъ
Что думаешь?—Мигнулъ: со мной согласенъ онъ...
Гдѣ предсѣдатель? Пусть подастъ онъ мнѣ горшокъ.

(Встаетъ).

Бделиклеонъ.

Самъ снимешь. Надо мнѣ свидѣтелей позвать.
Пускай свидѣтели по дѣлу пса войдутъ.
Войдите, чашка, пестъ, жаровня, ножъ, горшокъ
И утварь прочая, бывавшая въ печи.

(Отцу).

А ты все . . . . . . и все еще не сѣлъ?

(Слуги приносятъ утварь).

Филоклеонъ (указывая на Лабета).

А онъ сегодня же . . . . у насъ.

Бделиклеонъ.

Да перестанешь ли сердиться и брюжжать?
На подсудимаго вѣдь скалишь зубы ты!

Филоклеонъ (садясь, Лабету).

Взойди и защитись. Да ну же, что молчишь?

Сосій.

Сказать-то нечего, я думаю, ему.

Бделиклеонъ.

Нѣтъ, думается мнѣ, случилося съ нимъ то,
Что было на судѣ и съ Ѳукидидомъ разъ:
Внезапно въ челюсти ударилъ параличъ.

(Лабету).

Ступай отсюда прочь, я буду защищать.

(Влѣзая на корыто).

„О мужи, не легко словами клевету
Съ собаки смыть, но я намѣренъ говорить“.
Онъ славный, добрый песъ, волковъ гоняетъ прочь—

Филоклеонъ (перебивая).

А слѣдовательно измѣнникъ онъ и воръ.

Бделиклеонъ.

На рѣдкость—песъ, ей-ей, такихъ ужъ нѣтъ теперь:
Огромнымъ стадомъ онъ умѣетъ управлять,—

Филоклеонъ (снова перебивая).

Да что же толку въ томъ, когда онъ сыръ сожралъ?

Бделиклеонъ.

Грызется за тебя, у двери сторожитъ,
По всѣмъ статьямъ хорошъ, а если и стянулъ,
Такъ сжалься: „не ученъ играть на цитрѣ онъ“.

Филоклеонъ.

Да пусть бы ужъ не зналъ и грамоты, тогда
Судебной рѣчи онъ не могъ бы написать.

Бделиклеонъ.

Послушай, добрый мой, свидѣтелей моихъ.
Эй, ножъ, взойди сюда и смѣло говори.
Ты казначеемъ былъ. Яснѣе отвѣчай.
Ты раздѣлилъ войскамъ, что выдано тебѣ?
Онъ это подтвердилъ.

Филоклеонъ.

Онъ вретъ, свидѣтель—Зевсъ.

Бделиклеонъ.

О сжалься, добрый мой, надъ горемычнымъ псомъ:

Отбросы разные Лабетка долженъ жрать,
Не зная отдыха, летать туда-сюда;

(Указывая на другую собаку).

А этотъ годенъ лишь жилище сторожить,
Лежать въ дверяхъ, слѣдить, что въ домъ къ тебѣ несутъ,
И долю требовать, а не дадутъ—кусать.

Филоклеонъ.

Какой рожонъ меня заставилъ разомлѣть?
Вотъ безобразіе: сдаваться началъ я.

Бделиклеонъ.

О пожалѣйте пса, молю тебя, отецъ!
Не загубите жизнь! Собачьи дѣти гдѣ?

(Приносятъ щенятъ).

Войдите, бѣдные. Пускай услышитъ судъ
Вашъ визгъ, рыданія и просьбы и мольбы.

(Поднимается визгъ).

Филоклеонъ.

Долой, долой, долой, долой!

Бделиклеонъ.

Сойду сейчасъ;
Хоть очень многіе такимъ „долой“ не разъ
Вводилися въ обманъ, но, такъ и быть, сойду.

Филоклеонъ (утирая глаза).

Вотъ какъ не хорошо наѣсться, песъ возьми!
Отъ слезъ я потерялъ сейчасъ разсудокъ мой,
И это—потому, что супу я поѣлъ

Бделиклеонъ.

Итакъ, оправданъ онъ?

Филоклеонъ (быстро мѣняя тонъ).

Ну, это трудно знать.

Бделиклеонъ.

Да ну же, папочка, смѣни на милость гнѣвъ:

Возьми вотъ этотъ шаръ и въ урну правую
Зажмурясь опусти, и будетъ правъ Лабетъ.

Филоклеонъ (вставая).

Нѣтъ, дудки: „я играть на цитрѣ не ученъ.“

Бделиклеонъ (беретъ отца за руку).

Такъ вотъ что: будемъ мы кружиться побыстрѣй.
(Бѣгаетъ съ нимъ около кружекъ).

Филоклеонъ (закружившись).

Гдѣ урна лѣвая?

Бделиклеонъ (показывая на правую).

Вотъ здѣсь.

Филоклеонъ (опуская шаръ).

Кладу сюда.

Бделиклеонъ (къ публикѣ).

Надулъ! Невольно онъ собаку оправдалъ.
А ну-ка, высыплемъ.
(Опрокидываетъ кружки).

Филоклеонъ.

Что? Чья взяла у насъ?

Бделиклеонъ (показывая видъ, что считаетъ шары).

Окажется сейчасъ. Оправданъ ты, Лабетъ.
(Старикъ падаетъ).
Отецъ мой, что съ тобой?

Филоклеонъ.

Охъ, охъ! Воды, воды!

Бделиклеонъ.

Приподнимись!

Филоклеонъ.

Скажи: дѣйствительно его
Я оправдалъ?

Бделиклеонъ.

Да, да.

Филоклеонъ.

Ну, значитъ, я пропалъ.

Бделиклеонъ.

Вотъ стоитъ горевать! Вставай же, милый мой.

Филоклеонъ (приподнимаясь).

Нѣтъ, не прощу себѣ того, что оправдалъ
Я подсудимаго. Что станется со мной?
О многочтимые, простите, боги мнѣ!
Вѣдь я нечаянно! Характеръ мой иной.

Бделиклеонъ.

Не огорчайся же. Ты у меня, отецъ,
Отлично будешь жить: вездѣ водить тебя
Я буду на пиры, на зрѣлища съ собой,
И славно доживемъ мы жизнь и Гиперболъ
Не будетъ съ хохотомъ водить тебя за носъ.
Пойдемъ-ка въ домъ, отецъ.

Филоклеонъ.

Ну, если такъ, идемъ.
(Уходятъ въ домъ; слуги убираютъ со сцены судейскія принадлежности и тоже уходятъ).

Хоръ (вслѣдъ старику съ сыномъ).

Радость, счастіе вамъ на избранномъ пути!
(Къ зрителямъ).
А тѣмъ временемъ вы, миріады людей,
Вы, безчисленные,
Допустить, чтобъ на камень упало
Нашихъ словъ благодѣтельныхъ сѣмя
Берегитесь:
Грубымъ зрителямъ приличенъ,
А не вамъ такой поступокъ.

Хоровожатый.

О сограждане, вновь я вниманья прошу, если вы уважаете правду.

Нашъ поэтъ въ этотъ день хочетъ высказать здѣсь, предъ театромъ, слова укоризны.
Онъ обиженъ, хотя для народа услугъ оказалъ онъ доселѣ не мало:
Невидимкою онъ вамъ сначала служилъ, за другихъ укрываясь поэтовъ,
И, принявъ въ образецъ проницательный умъ и пророческій даръ Евриклея,
Онъ забрался въ чужіе желудки тайкомъ и насмѣшкой обильной излился.
Послѣ этого онъ, не скрываясь уже, отъ себя рисковалъ передъ вами,
Не чужихъ, а своихъ, своихъ собственныхъ музъ полновластно уздѣ покоряя.
Вознесясь высоко и почтенъ, какъ никто не бывалъ почитаемъ въ народѣ,
Онъ не мнитъ, что достигъ высочайшихъ границъ, самомнѣнія дутаго чуждый,
И не шляется онъ по палестрамъ пытать обаянье свое, но хотя бы
Сластолюбецъ иной и заискивалъ въ немъ, отъ насмѣшекъ спасая любимцевъ,
На подходы его не сдавался поэтъ: онъ стремился душой благородной,
Чтобы муза, избранница сердца его, не явилася сводницей міру.
Съ той поры, какъ въ театръ онъ впервые вступилъ, не съ людьми онъ на бой ополчился:
А суровъ и могучъ, какъ Гераклъ, нападалъ нашъ поэтъ на чудовищъ огромныхъ.
Такъ, едва оперившись, въ отважномъ бою онъ съ собакой зубастой сцѣпился.
Взоры этого пса безобразнымъ огнемъ, какъ у Кинны распутной, горѣли,
А кругомъ сотня мордъ негодяевъ-льстецовъ его голову нѣжно лизала;
Крики этого пса—ревъ потока въ горахъ, что несетъ разрушенье и гибель;
Онъ вонючъ, какъ тюлень, сзади—точно верблюдъ, какъ у Ламіи, грязныя . . . .

Увидавши такое чудовище, онъ не поддался ни страху, ни взяткамъ,
А доселѣ за васъ храбро борется съ нимъ. Не оставивъ въ покоѣ собаки,
Прошлый годъ за болѣзни принялся поэтъ: это были—кошмаръ, лихорадка.
Угнетали онѣ и отцовъ по ночамъ, не давали покоя и дѣдамъ
И, слетая на ложе спокойныхъ людей, избѣгающихъ тяжебъ судебныхъ,
Сѣть присягъ и доносовъ, и явокъ на судъ, и свидѣтельствъ надъ ними сплетали.
Такъ что многіе, въ страхѣ покинувъ постель, впопыхахъ къ полемарху бѣжали.
Но, имѣя такого защитника, вы исправителю родины вашей
Прошлый годъ измѣнили, когда онъ металъ сѣмена новыхъ думъ плодотворныхъ.
Не восприняли сердцемъ вы мыслей его и созрѣть помѣшали имъ сами;
Но, когда бъ ни свершалъ возліянья поэтъ, онъ клянется самимъ Діонисомъ,
Что никто никогда лучше этихъ рѣчей не слыхалъ отъ комедіи нашей.
Стыдъ для васъ и позоръ, что понять не могли вы тотчасъ же его превосходства.
Но поэтъ чрезъ это, конечно, ничуть не теряетъ во мнѣніи мудрыхъ,
Хоть порвалъ, обгоняя соперниковъ, онъ повода у своихъ ожиданій.
Но впередъ, дорогіе сограждане, вы
Изъ поэтовъ того, кто стремится душой
Отыскать и сказать слово новое вамъ,
Постарайтесь побольше любить и цѣнить,
Берегите вы мысли его,
Спрячьте ихъ въ глубинѣ сундуковъ
Вмѣстѣ съ яблоками.
Если это исполните вы, цѣлый годъ
Будетъ платье у васъ
Издавать ароматъ благородства.

1-я половина хора

Ахъ, давно когда-то были въ хороводахъ мы ловки
И отважны въ бояхъ;
Но мы были ловкачами только въ плясках и бояхъ;
Нынѣ все прошло, прошло...
Крыльевъ лебединыхъ—сдѣлались бѣлѣе
Эти волосы мои...
Но и въ тѣлѣ старомъ силы молодыя
У меня найдутся. Лучше наша старость,
Чѣмъ украшенная юность,
Чѣмъ расчесанныя кудри
И широкая . . . . . .

Хоровожатый.

Если, зрители, взглянувши на фигуры наши, вы
Удивляетесь, что тонки тальи наши, какъ у осъ,
Иль понять не въ состояньи назначенья этихъ жалъ,
Это просто объясню я даже тѣмъ, кто „музъ былъ чуждъ.“
Къ благороднымъ старожиламъ мы, владѣльцы этихъ жалъ,
Въ нашей Аттикѣ по праву причисляемся одни.
Наша храбрая порода много, много принесла
Пользы родинѣ, сражаясь противъ рати дикарей.
Эта рать въ дыму пожара потопила городъ нашъ,
Чтобы силою похитить медъ изъ нашего гнѣзда.
Тотчасъ съ копьями, щитами мы пошли на встрѣчу ей
И отважно, безпощадно съ нею сшиблися въ бою,
Воинъ къ воину примкнувши, губы злобно закусивъ.
Невозможно было неба видѣть въ тучѣ вражьихъ стрѣлъ,
Все же къ ночи оттѣснили мы враговъ; намъ богъ помогъ:
До сраженія недаромъ мы увидѣли сову.
Врагъ бѣжалъ; мы ихъ кололи, какъ тунцовъ, въ мѣшки штановъ,
И впивались наши жала въ брови, въ щеки бѣглецамъ;
Оттого-то и доселѣ дикари всѣ говорятъ:
„Осъ аттическихъ храбрѣе никого на свѣтѣ нѣтъ.“

2-я половина хора.

Да, тогда храбры мы были, не боялись ничего.
Отразивши враговъ,
Въ ихъ владѣнья мы поплыли на военныхъ корабляхъ;
Мы не думали тогда,
Какъ бы краснымъ словомъ удивить другого
Или ябедой сразить;
Мы на то смотрѣли, кто гребетъ всѣхъ лучше,
Ну, и взяли много городовъ у персовъ;
Мы тому причиной, что сюда привозятъ
Дань, которую воруетъ
Нынче наша молодежь.

Хоровожатый.

Присмотрѣвшись къ намъ поближе, вы найдете, что во всемъ
Мы ведемъ себя, какъ осы, и какъ осы, мы живемъ.
Ни одно созданье въ мірѣ, будучи раздражено,
Не ведетъ себя такъ злобно, ни такъ яростно, какъ мы.
Всѣ осиныя привычки мы усвоили себѣ:
Напримѣръ, подобно осамъ, мы сбираемся въ рои;
Часть роится тамъ, гдѣ архонтъ иль одинадцать чиновъ,
Эти судятъ въ Одеонѣ, тѣ приткнулись у стѣны,
Сбились въ кучу, смотрятъ въ землю, чуть замѣтно шевелясь,
Такъ же тихо, какъ въ ячейкахъ шевелятся червяки.
Въ добываньи пропитанья мы большіе мастера:
Жалимъ всякаго и этимъ добываемъ хлѣбъ себѣ.
Впрочемъ есть межъ нами трутни, и сидятъ они безъ жалъ
Въ нашихъ гнѣздахъ, поджидая нарожденья нашихъ сотъ,
И, дождавшись, пожираютъ, сами съ нами не трудясь:
А для насъ всего досаднѣй видѣть, если лежебокъ
Нашу слопаетъ добычу, для спасенія страны
Не наживъ мозолей даже отъ меча или копья.
Словомъ, вотъ что я предложу: впредь изъ гражданъ никому,
Кто безъ жала уродился, трехъ оболовъ не давать.

После полудня. Выходятъ: Филоклеонъ въ своемъ рваномъ плащѣ, въ старыхъ башмакахъ и Бделиклеонъ со щегольскимъ пушистымъ плащемъ и новыми башмаками въ рукахъ.

Филоклеон ~~Бделиклеонъ~~ (указываетъ на свой плащъ).

Его, пока я живъ, не скину ни за что:
Онъ былъ единственнымъ спасителемъ моимъ,
Когда на насъ борей чудовищный напалъ.

Бделиклеонъ.

Мнѣ кажется, добра не хочешь ты себѣ.

Филоклеонъ.

Отъ твоего плаща добра не будетъ мнѣ.
Объѣвшись рыбою, ужъ поплатился разъ
Тремя оболами за чистку платья я.

Бделиклеонъ.

Да ты хоть попытай; вѣдь ты же обѣщалъ
Разъ навсегда мои услуги принимать.

Филоклеонъ.

Чего ты требуешь?

Бделиклеонъ.

Сними трибоній свой
И этотъ плащъ надѣнь: онъ стоитъ твоего.
(Хочетъ надѣть на него новый плащъ).

Филоклеонъ (уклоняясь).

Вотъ послѣ этого воспитывай дѣтей:
Теперь меня же онъ собрался задушить.

Бделиклеонъ.

Такъ лучше самъ надѣнь, чѣмъ пустяки болтать.

Филоклеонъ (взглянувъ на плащъ).

О боги, что за дрянь ты мнѣ даешь, скажи.

Бделиклеонъ.

„Персиду“, „каунакъ“,—зовутъ и такъ и сякъ.

Филоклеонъ.

Я думалъ „сисира“ изъ нашихъ Тиметадъ.

Бделиклеонъ.

Не удивительно. Ты въ Сардахъ не бывалъ,
И потому тебѣ въ диковинку онъ.

Филоклеонъ.

Да,
Конечно, это такъ: но, кажется, твой плащъ
На шубу Мориха совсѣмъ, совсѣмъ похожъ.

Бделиклеонъ.

Нѣтъ не похожъ: мой плащъ—издѣлье Экбатанъ.

Филоклеонъ.

Изъ шерстяныхъ кишокъ тамъ дѣлаютъ плащи?

Бделиклеонъ.

Откуда заключилъ? У иностранцевъ, другъ,
Идетъ на выдѣлку лишь цѣнный матерьялъ:
Плащъ этотъ на талантъ, пожалуй, шерсти съѣлъ.

Филоклеонъ.

Не шерстоѣдомъ ли вѣрнѣй его назвать,
Чѣмъ каунакомъ?

Бделиклеонъ.

Стой, однако, милый мой.
А я наброшу плащъ.
(Набрасываетъ).

Филоклеонъ (срывая съ себя плащъ).

Охъ, батюшки мои!
Проклятый! Онъ меня такъ жаромъ и обдалъ!

Бделиклеонъ.

Такъ не надѣнешь ты?

Филоклеонъ (отскакивая).

Нѣтъ, ни за что! Мой другъ,
Ужъ если надобно, надѣньте прямо печь.

Бделиклеонъ (настойчиво).

Какъ ни вертись,—тебя одѣну я. Иди!

Филоклеонъ.

Тогда и вилку приготовь.

Бделиклеонъ.

Зачѣмъ ее?

Филоклеонъ.

Чтобъ вытащить меня, иначе розварюсь...

Бделиклеонъ (надѣвъ на него плащъ).

Теперь снимай свои дрянные башмаки
И вотъ „лаконики“ сейчасъ же надѣвай.

Филоклеонъ.

Ни въ жизнь и ни за что! „Чтобъ отъ моихъ враговъ
Мнѣ ненавистные надѣлъ я башмаки!“

Бделиклеонъ.

Скорѣй, мой миленькій! Покрѣпче встань ногой
Въ Лаконику.

Филоклеонъ (вдѣвая одну ногу).

Обидѣлъ ты меня, сынокъ,
На почву недруговъ заставивши вступить.

Бделиклеонъ.

Другую ногу суй.

Филоклеонъ.

Ее нельзя: на ней
Одинъ изъ пальцевъ врагъ лаконцамъ заклятой.

Бделиклеонъ.

Безъ препирательства.

Филоклеонъ.

Несчастный я старикъ!
Подъ старость не могу и ногъ я познобить.

Бделиклеонъ.

Надѣнь же, наконецъ!

(Старикъ надѣваетъ).

Теперь, какъ богачи,
Важнѣй вышагивай и . . . . салаконь.

Филоклеонъ (вышагивая).

Ну, огляди меня и на кого, скажи,
Изъ нашихъ богачей я поступью похожъ?

Бделиклеонъ.

На чирей, пластыремъ залѣпленный кругомъ.

Филоклеонъ.

И правда . . . . деретъ, терпѣнья нѣтъ.

Бделиклеонъ.

Посмотримъ, можешь ли приличный разговоръ
Поддерживать въ кругу людей ученыхъ ты?

Филоклеонъ.

Да.

Бделиклеонъ.

Напримѣръ, о чемъ?

Филоклеонъ.

Найдется много темъ:
О томъ, какъ Ламія попавшись . . . .
И вотъ о чемъ еще: разъ Кардопіонъ мать—

Бделиклеонъ (перебивая).

Нѣтъ, сказки—прочь; скажи изъ жизни что-нибудь,
Какъ мы въ кругу семьи бесѣдуемъ всегда.

Филоклеонъ.

А на семейный ладъ я вотъ что разскажу:
„Однажды жилъ да былъ мышенокъ да хорекъ“ —

Бделиклеонъ (снова перебивая).

„О неотесанный,“ однажды Θеогенъ
Навознику сказалъ въ досадѣ на него.

Въ почтенномъ обществѣ—„мышата и хорьки!“

Филоклеонъ.

О чемъ же говорить?

Бделиклеонъ.

О важномъ,—ну хоть, какъ
На игры ѣздили Андроклъ, Клисѳенъ и ты.

Филоклеонъ.

На игры только разъ къ Паросу ѣздилъ я,
При томъ же по найму: за два обола въ день.

Бделиклеонъ.

Но все же разскажи, какъ разъ Эфудіонъ
Съ Аскондой выдержалъ панкратій молодцомъ;
Онъ былъ и старъ, и сѣдъ, но отличался онъ
Боками впалыми и силой бедръ и рукъ
И славнымъ панцыремъ—

Филоклеонъ.

Постой, не городи!
Рѣчь о панкратіи,—при чемъ же панцырь тутъ?

Бделиклеонъ.

Да такъ бесѣдуютъ всегда ужъ мудрецы.
Но вотъ другой вопросъ: скажи мнѣ, на пиру
Съ людьми заѣзжими на подвигъ на какой
Изъ юности своей ты можешь указать.

Филоклеонъ.

Былъ у меня такой, что стоитъ разсказать:
У Ергасіона подпорки я стянулъ!

Бделиклеонъ.

Подпорки! Срамъ—съ тобой! Разсказывай, какъ ты
Преслѣдовалъ кабановъ, зайцевъ, о бѣгахъ
О факельныхъ, о всемъ, въ чемъ удальство видно.

Филоклеонъ.

Вотъ удальства примѣръ: мальчишкою еще
Фаилла бѣгуна преслѣдуя... судомъ
За ругань, побѣдилъ двумя шарами я.

Бделиклеонъ.

Ну, бросимъ это! Лягъ вотъ здѣсь и поучись
Держаться на пиру въ компаніи друзей.

Филоклеонъ.

Скажи, какъ надо лечь?

Бделиклеонъ.

Прими приличный видъ.

Филоклеонъ (ломаясь).

Ты хочешь, чтобъ я легъ вотъ такъ?

Бделиклеонъ.

Совсѣмъ не такъ.

Филоклеонъ.

А какъ же?

Бделиклеонъ.

Протяни колѣна; на коврѣ
Раскинься съ граціей свободно, какъ атлетъ,
Посудѣ полное вниманье окажи,
Взгляни на потолокъ, узоры похвали...
Вотъ подали воды... Внесли столы... Обѣдъ...
Вотъ омовеніе... Вотъ чарки въ ходъ пошли.

Филоклеонъ.

О, небожители, пирушка наша—сонъ!

Бделиклеонъ.

Раздался флейты звукъ. Въ гостяхъ тутъ Фанъ, Эсхинъ,
Ѳеоръ, Клеонъ, Акесторъ и еще другой
Изъ инородцевъ гость у головы его...
Подхватишь ли ты пѣснь застольную?

Филоклеонъ.

Могу.

Бделиклеонъ.

Ужели?

Филоклеонъ.

Никому изъ горцевъ такъ не спѣть.

Бделиклеонъ.

Посмотримъ. Буду я Клеономъ, напримѣръ,
Начнемъ Гармодіонъ, я первый, ты—за мной:
„Не-е бы-ы-ва-ало еще-е въ Аѳи-и-нахъ пре-ежде-е“—

Филоклеонъ (подхватывая).

Не-его-одя-а-я тако-ого и-и хапу-уги-и.

Бделиклеонъ.

Ты такъ не сдѣлаешь! Онъ оглушитъ тебя,
Онъ пригрозитъ стереть съ лица земли тебя,
Прогнать изъ города.

Филоклеонъ.

А я, свидѣтель—Зевсъ,
Когда онъ пригрозитъ, другое запою:
„О о че-е-ло-овѣкъ! домогаяся вла-а-сти-и ве-елико-ой,
Ты-ы го-о-су-у-дарство по-о-губишь: катится въ бездну оно“.

Бделиклеонъ.

Затѣмъ, когда Ѳеоръ, сосѣдъ у ногъ твоихъ,
Схвативши за руку Клеона, запоетъ:
„По-о-мни-и, то-оварищъ, А-адме-е-та и до-о-бры-ыхъ друзе-ей уважай“.
Какою пѣснью ты отвѣтишь?

Филоклеонъ.

Я зальюсь:
Ли-иси-ить человѣ-ѣку сты-ыдно-о,
Су-умо-ой перемё-отной бы-ыть не-е слѣ-ѣдуе-етъ.

Бделиклеонъ.

За нимъ начнетъ Эсхинъ, сынъ Селла, дальше пѣть,
Эсхинъ, прославленный мудрецъ, любимецъ музъ:
„Де-сенегъ побо-ольше бы-ы
Мнѣ и Клейтаго-о-р-ѣ-ѣ-ѣ
Вмѣстѣ съ Ѳессалі-ійцами-и“.

Филоклеонъ.

Мно-ого-о и-ихъ растранжи-ирилъ я-а съ тобо-о-ю-у

Бделиклеонъ.

Ну, съ этой стороны ты понялъ хорошо.
Теперь пойдемъ на пиръ къ Филоктемону мы.
(Слугѣ).
Эй, малый, Хрисъ, сбери припасовъ намъ скорѣй.
(Отцу).
Кутнемъ мы, наконецъ, съ тобою тамъ.

Филоклеонъ.

Ну, нѣтъ,
Кутить не хорошо: вино приводитъ насъ
Къ разбитію дверей, каменьямъ и тычкамъ;
Потомъ платись за все съ похмѣлья кошелькомъ.

Бделиклеонъ.

Въ хорошемъ обществѣ скандаламъ ходу нѣтъ:
Тамъ потерпѣвшаго упросятъ все забыть,
А ты развесели приличной басней всѣхъ
Эзоповой иль Сибаритскою изъ тѣхъ,
Что слышалъ на пиру. Старайся обратить
Все дѣло въ смѣхъ,—и ты не наживешь врага.

Филоклеонъ.

Побольше, значитъ, ихъ я долженъ заучить,
А то, надѣлавъ бѣдъ, поплатишься, какъ разъ.

Бделиклеонъ.

Дорога скатертью да будетъ намъ. Идемъ!
(Уходятъ).

Хоровожатый.

Я всегда себя приличнымъ человѣкомъ сознавалъ,
А не грубымъ вахлакомъ.
Не таковъ Селлидъ Аминій Завитушкинъ: раньше онъ,—
Самъ я видѣлъ,—не плодами пробавлялся, а кутилъ
Съ Леогоромъ, но теперь
Онъ живетъ, какъ Антифонтъ.

Все же онъ въ Фарсалъ отправленъ былъ съ посольствомъ, но и тамъ
Только онъ
Съ ѳессалійскими рабами
Все якшался, столь же бѣдный, какъ любой изъ бѣдняковъ.

1-я половина хора.

Автоменъ, большимъ счастливцемъ почитаемъ мы тебя:
Народилъ ты поколѣнье на всѣ руки молодцовъ.
Первый сынъ—любимецъ общій и ученый и талантъ:
Онъ своей игрой и пѣньемъ очаровываетъ всѣхъ.
А другой—актеръ искусный, трудно—лучше отыскать.
Арифрадъ, сынокъ твой третій,—диво сильнаго ума:
Ты однажды самъ поклялся, что никѣмъ не обученъ,
Отъ природы умудренный, научился онъ владѣть
Языкомъ своимъ искусно, часто шляясь . . . . . .

2-я половина хора.

Говорятъ, просить пардону началъ будто я, когда
Пощипалъ Клеонъ изрядно за безнравственность меня.
А когда съ меня онъ шкуру началъ заживо сдирать,
То надъ воплями въ сторонкѣ потѣшалася толпа
И смотрѣла, не жалѣя, а надѣясь услыхать,
Не пущу ли я насмѣшки, притѣсненьемъ раздраженъ.
Тутъ ужъ, чуя неустойку, завилялъ де я хвостомъ,
А теперь „надула палка виноградную лозу."

Поздній вечеръ.

Ксанѳій (вбѣгаетъ съ воплемъ).

О-о! завидую я бронѣ черепахъ!
О! трижды счастливы подъ панцыремъ бока!
Предусмотрительно природа вамъ дала
Покрышку на спину: ударъ не страшенъ вамъ.
Охъ, смерть моя! Нажгли мнѣ палкою бока.

Хоровожатый.

Въ чемъ дѣло, дитятко? Хоть ты старикъ, но мы
Такъ вправѣ всякаго побитаго назвать.

Ксанѳій.

Нѣтъ, посудите вы, не язва ль нашъ старикъ?
Всѣхъ пьяной дерзостью затмилъ онъ на пиру.
Компанья Фриниха въ гостяхъ была: Гиппилъ,
Ликонъ и Лисистратъ, Ѳуфрастъ и Антифонтъ,
Но велъ себя старикъ куда нахальнѣй всѣхъ.
Онъ всякой всячиной набилъ себѣ животъ
И принялся скакать, смѣяться и . . . .
Ни дать, ни взять—оселъ, нажравшись ячменя,
И съ крикомъ „рабъ!" меня жестоко отлупилъ.
На эти выходки отвѣтилъ Лисистратъ:
„Ты сильно, старина, на выскочку похожъ,
Иль на залѣзшаго по шею въ кормъ осла."
Тогда старикъ вскричалъ: „а самъ-то ты! какъ есть
Облѣзлая, безъ крылъ, въ лохмотьяхъ саранча,
Безъ одѣянія оставшійся Сѳенелъ!"
Тутъ всѣ захлопали ему; одинъ Ѳуфрастъ—
Приличный человѣкъ: скривилъ съ гримасой ротъ.
Старикъ присталъ къ нему: „скажи-ка мнѣ, Ѳуфрастъ,
Зачѣмъ кривишь ты ротъ и важничаешь такъ,
Ты просто лизоблюдъ и шутъ у богачей".
Такимъ же образомъ отбрилъ онъ всѣхъ гостей,
Смѣяся, какъ мужикъ, и говоря слова,
Не сообразныя ни съ чѣмъ, какъ дуралей.
Напившись пьянъ, домой пошелъ онъ, наконецъ,
И по дорогѣ билъ встрѣчавшихся людей...

Вотъ онъ идетъ сюда, колеблясь на ногахъ...
Однако, я уйду, а то какъ разъ влетитъ.
(Уходитъ).

Филоклеонъ (выходитъ, шатаясь, съ факеломъ въ рукѣ и тащитъ за собой флейтистку).

Пррочь съ дорроги!..
Кто бѣжитъ за мною сзади,
Всѣ завоютъ у меня!
Если вы не уберетесь,
Негодяи, этотъ факелъ
Обратитъ въ жаркое васъ.

Бделиклеонъ (поспѣшно вбѣгаетъ на сцену, за нимъ—толпа).

Нѣтъ, ты поплатишься и завтра на судѣ
Мы зададимъ тебѣ, хоть ты и боекъ сталъ!
Мы всей толпой пойдемъ, потянемъ мы тебя!
(Уходитъ въ домъ).

Филоклеонъ.

Хе-хе-хе-хе! Потянутъ въ судъ!
Нѣтъ, штука старая! Да мнѣ
Теперь и слышать-то про судъ
Противно стало... Эхъ-ма!
(Указывая на флейтистку).
Вотъ гдѣ сласть!... А урны—ну ихъ!...
Прочь съ дороги!... Гдѣ судья тутъ?...
Гдѣ онъ?... Прочь его! Долой!
(Къ флейтисткѣ, таща ее на сцену).
Влѣзай сюда за мной, мой золотой жучекъ!
Своею ручкою держись за этотъ жгутъ,
Но осторожнѣе: не проченъ, старъ онъ сталъ...
Однако треніе не тягостно ему.
Вотъ видишь, какъ тебя я ловко утащилъ,
Когда должна была гостей ты потѣшать.
За это слѣдуетъ . . . . благодарить,
Но ты благодарить не будешь, знаю я,
Не впустишь, осмѣешь, оставишь съ носомъ насъ;
Ты многихъ и другихъ обманывала такъ.
Вотъ, если доброю бабенкой будешь ты,

Я выкуплю тебя, когда мой сынъ умретъ,
И буду жить съ тобой, свиненочка моя.
Теперь не властенъ я пока въ моихъ деньгахъ:
Я подъ опекою по молодости лѣтъ;
За мной во всѣ глаза слѣдитъ сынокъ... Кулакъ!...
Онъ на обухѣ рожь умѣетъ молотить...
Онъ опасается, что я впаду въ развратъ:
Нельзя,—единственный отецъ я у него.
(Увидя выходящаго сына).
А вотъ онъ на лицо... бѣжитъ, должно быть, къ намъ...
Возьми-ка факелы и встань скорѣй сюда...
(Ставитъ ее ближе къ площади).
Задорно посмѣюсь надъ нимъ я, какъ и онъ
До посвященія смѣялся надо мной.

Бделиклеонъ (отцу).

Эй ты, послушай-ка! Блудникъ и сквернословъ!
Ты хочешь, кажется, залѣзть въ красивый... гробъ,
Но ты поплатишься, свидѣтель—Апполонъ!

Филоклеонъ (насмѣшливо).

Ты съ радостью бы съѣлъ подъ уксусомъ процессъ.

Бделиклеонъ.

А! Издѣваешься, а самъ флейтистку ты
У собутыльниковъ укралъ!

Филоклеонъ.

Какую? Гдѣ?
Изъ „гроба“ вылѣзъ ты?—несешь такую чушь!

Бделиклеонъ (указывая).

Свидѣтель—Зевсъ, она, твоя дарданка, тамъ.

Филоклеонъ.

То факелъ въ честь богинь на площади зажженъ.

Бделиклеонъ.

Ужели факелъ?

Филоклеонъ.

Да! взгляни, *раскрашенъ* онъ.

Бделиклеонъ.

Но въ серединѣ что черно тутъ у него?

Филоклеонъ.

А это топится горячая смола.

Бделиклеонъ.

А здѣсь вотъ, назади? Вѣдь это . . . . .

Филоклеонъ.

Тутъ просто вѣточка загнулась у него.

Бделиклеонъ.

Какая вѣточка?!

(Флейтисткѣ).

Иди-ка ты сюда!

Филоклеонъ.

Э, э! Чего тебѣ?

Бделиклеонъ.

Я у тебя ее
Возьму и уведу: какъ видно, ты протухъ
И ничего не можешь—

Филоклеонъ.

Слушай-ка, сынокъ:
Когда въ Олимпіи я былъ на играхъ, тамъ
Съ Аскондой храбро въ бой вступилъ Эфудіонъ;
Онъ былъ преклонныхъ лѣтъ, но юношу старикъ
Ударомъ кулака на землю повалилъ.
Итакъ, остерегись: получишь фонари!

Бделиклеонъ.

Ты про Олимпію запомнилъ хорошо.

Торговка (вбѣгая, Бделиклеону).

Богами заклинаю, помоги!

(Указываетъ на Филоклеона).

Вотъ онъ
Ударомъ факела чуть не убилъ меня
И хлѣбовъ на десять оболовъ, да еще
Четыре небольшихъ довѣска сбросилъ въ грязь.

Бделиклеонъ (отцу).

Вотъ что надѣлалъ ты! И хлопоты и судъ
Пойдутъ теперь опять,—не пьянствуй!

Филоклеонъ.

Нѣтъ же, нѣтъ!
Приличной басенкой уладимъ дѣло мы,
И я съ торговкою, навѣрно, помирюсь.

Торговка.

Богинями клянусь, за *Миртію*, за дочь
Анкиліона и Сострaты все равно
Ты дашь въ судѣ отвѣтъ:—не порти мой товаръ.

Филоклеонъ.

Послушай, тетенька, хочу я рѣчь тебѣ
Сказать хорошую.

Торговка.

Нѣтъ, дяденька, избавь.

Филоклеонъ.

Эзопъ съ пирушки разъ шелъ подъ вечеръ домой;
Вдругъ сука пьяная пу лаять на него;
Тогда Эзопъ сказалъ: „Ахъ сука, если бъ ты,
Захлопнувъ злую пасть, купила гдѣ-нибудь
Пшеницы, я тебя за умницу бы счелъ.“

Торговка.

Смѣешься! Ну, тогда, кто бъ ни былъ ты, на судъ
Пожалуй-ка со мной къ торговымъ приставамъ;
Свидѣтель вызова—вотъ этотъ Херефонтъ.

Филоклеонъ.

Послушай-ка, авось я путное скажу:
Звалъ *Ласа Симонидъ* на состязанье разъ,

А Ласъ ему и говоритъ: „мнѣ наплевать!“

Торговка.

Посмотримъ!

(Уходитъ съ Херефонтомъ).

Филоклеонъ.

Херефонтъ, подъ стать тебѣ идти
Въ свидѣтели за бабой желтой, какъ Ино,
Летящая у Еврипида со скалы.

(На сценѣ показываются двое новыхъ людей).

Бделиклеонъ.

Вонъ кто-то, кажется, еще идетъ сюда
И тоже съ понятымъ... должно быть, звать на судъ.

Истецъ.

Охо-хо-хо-хо-хо! Зову тебя, старикъ,
На судъ за оскорбленье.

Бделиклеонъ.

Нѣтъ, оставь, прошу.
Я лучше заплачу все, что назначишь ты,
И буду сверхъ того признателенъ тебѣ.

Филоклеонъ.

Я полюбовную устрою сдѣлку самъ.
Не отрицаю я камней и тумаковъ,
Но подойди сюда. Не хочешь ли, тебѣ
Я за безчестіе назначу гонораръ,
Чтобъ дѣло потушить, иль ты назначишь самъ?

Истецъ.

Назначь: не по душѣ мнѣ хлопоты и судъ.

Филоклеонъ.

Какой-то сибаритъ упалъ съ повозки разъ
И сильно голову при этомъ повредилъ:
Съ конями не умѣлъ справляться сибаритъ.
Тутъ подошелъ къ нему товарищъ и сказалъ:

„Чего не изучилъ, за то и не берись“...
Поэтому и ты къ Питталу обратись.

Бделиклеонъ (отцу).

И въ этомъ случаѣ ты вѣренъ самъ себѣ.

Истецъ (къ понятому).

Итакъ не позабудь, что онъ отвѣтилъ намъ.

(Отходятъ).

Филоклеонъ.

Послушай, не бѣги. Сибаритянка разъ
Горшокъ разбила.

Истецъ (понятому).

Будь свидѣтелемъ.

Филоклеонъ.

Горшокъ
Кого-то пригласилъ въ свидѣтели себѣ;
„Клянуся дѣвою“,—сказала тутъ она,—
„Когда бъ, не трогая свидѣтелей своихъ,
Ты бинтъ купилъ скорѣй, умно бы поступилъ.“

Истецъ.

Насмѣшничай, пока не потянули въ судъ.

Бделиклеонъ (отцу, теряя терпѣніе).

Клянусь Деметрою, тебя я уберу,
Возьму въ охапку—

(Беретъ отца).

Филоклеонъ.

Стой! Ты что задумалъ?

Бделиклеонъ.

Что?—
Нести тебя домой: иначе понятыхъ
На обвинителей не хватитъ, наконецъ.

Филоклеонъ.

Дельфійцы на Эзопа разъ—

Бделиклеонъ.

„Мнѣ наплевать.“

Филоклеонъ.

Налгали, что укралъ фіалъ священный онъ.
Тогда Эзопъ сказалъ имъ: разъ навозный жукъ—

Бделиклеонъ.

Проклятье! Чтобъ издохъ съ жуками вмѣстѣ ты!
(Уноситъ отца).

1-я половина хора.

Достоинъ зависти старикъ.
Какъ счастливъ онъ! Прошла пора
Угрюмыхъ думъ и скудныхъ дней;
Другую жизнь узналъ старикъ.
Средь нѣги, роскоши его
Ждетъ много счастья впереди.
Но онъ доволенъ ли судьбой?
Намъ не легко забыть ту жизнь,
Которой жили мы всегда,
Хотя случалося не разъ,
Что, подчинивъ себя другимъ,
Совсѣмъ мѣнялся человѣкъ.

2-я половина хора.

Почетъ глубокій и отъ насъ,
И всѣхъ, не скорбныхъ головой,
За умъ, за преданность отцу
Вполнѣ заслуженно стяжалъ
Филоклеона славный сынъ.
Онъ благороденъ, какъ никто;
Мы поведеніемъ его
Поражены, восхищены.
И въ возраженіяхъ отцу
Какъ правъ былъ онъ, когда хотѣлъ

Облагородить жизнь того,
Кто породилъ его на свѣтъ!

Ксаноій (выходитъ изъ дома).

О Діонисъ! Въ нашъ домъ чудесныя дѣла,
Непостижимыя вкатилъ какой-то богъ.
Старикъ все время тамъ тянулъ вино и вдругъ,
Услышавъ флейты звукъ, обрадовался такъ,
Что танцы древніе Ѳеспида вспомнилъ онъ
И, кажется, всю ночь намѣренъ проплясать.
Чтобъ доказать, что дрянь всѣ трагики теперь,
Сейчасъ онъ выйдетъ самъ искусство показать.

Филоклеонъ (за дверью, съ паѳосомъ).

Что за люди у вратъ возсѣдаютъ моихъ?

Ксаноій.

Вотъ, смотрите, идетъ эта язва сюда.

Филоклеонъ.

Пусть затворы сіи распадутся: сейчасъ
Начинается плясъ,—

Ксаноій (отворяя двери).

А вѣрнѣе сказать, начинается дурь.

Филоклеонъ (прыгая).

И въ могучемъ порывѣ вертятся бока,
И тяжелымъ дыханіемъ ноздри шумятъ,
И трещатъ позвонки.

Ксаноій.

Чемерицы прими.

Филоклеонъ.

Фринихъ топаетъ, точно пѣтухъ.

Ксаноій (отстраняясь).

Ты какъ разъ зашибешь.

Филоклеонъ.

Занося высоко свои ноги,
И разверзлась . . . .

Ксанѳій.

Берегись, не свались.

Филоклеонъ.

Какъ легко мои члены теперь,
Какъ свободно въ суставахъ вертятся.

Бделиклеонъ (входя).

О, Зевсъ, не хорошо! Рехнулся ты совсѣмъ.

Филоклеонъ (останавливаясь).

А ну-ка, сдѣлаемъ воззваніе къ борьбѣ:
Плясунъ трагическій, увѣренный въ себѣ.
Пускай прилетъ сюда: поспоримъ въ плясѣ мы.
Иль нѣту никого?

(Выходитъ малорослый плясунъ).

Бделиклеонъ.

Вотъ только онъ одинъ.

Филоклеонъ.

Кто этотъ бѣдненькій?

Бделиклеонъ.

Каркина средній сынъ.

Филоклеонъ.

Ну, этого-то я съумѣю проглотить
И пляской... кулака на мѣстѣ пришибу;
Вѣдь въ ритмѣ онъ ничто.

(Входитъ новый карликъ).

Бделиклеонъ.

Постой, несчастный, вотъ
Другой Каркина сынъ трагическій идетъ,
Братъ этому.

Филоклеонъ.

Клянусь, еще закуска мнѣ!

(Входитъ еще карликъ).

Бделиклеонъ.

Что это? О мой Зевсъ! одни-то раки все!
Опять подходитъ къ намъ одинъ изъ каркинятъ.

Филоклеонъ.

Ба! Это что ползетъ? флаконъ или паукъ?

Бделиклеонъ.

Рачепокъ крошечный, зовутъ—слизнякоѣдъ...
Феноменъ: можетъ онъ трагедіи писать.

Филоклеонъ.

Каркинъ, ты человѣкъ, счастливый на дѣтей:
Ты кучу цѣлую пичужекъ выслалъ къ намъ.

Бделиклеонъ.

Бѣдняга, противъ нихъ ты долженъ присѣдать.

Филоклеонъ.

Случись мнѣ побѣдить, ты съ солью ихъ сваришь.

Хоровожатый.

Ну-ка, нѣсколько мы отодвинемся всѣ и дадимъ плясунамъ разойтися,
Чтобъ свободно могли передъ нами они кувыркаться кругомъ на просторѣ.

(Начинается танецъ).

1-я половина хора.

Вы, чье имя прогремѣло, вы, морского бога дѣти,
Совершайте танецъ рѣзвый возлѣ шумнаго прибоя
На пескѣ, гдѣ вамъ и мѣсто, существа породы... рачьей.

2-я половина хора.

Въ круговомъ вращеньи быстромъ, вѣрны Фриниха завѣтамъ,

Подпимайте ноги выше,
Чтобъ театръ, слѣдя за танцемъ, весь стоналъ отъ восхищенья.

Хоръ.

Выступайте стройпымъ кругомъ, дружно хлопая... по брюху,
Къ небесамъ вздымая ноги. Вихри шумные, спѣшите:
Вотъ самъ царь моредержавный, ихъ отецъ... ползетъ по-рачьи,
Съ умиленіемъ взирая на трехчленное потомство.

(Плясунамъ).

Какъ присяжные танцоры, провожая пасъ отсюда,
Продолжайте танецъ рѣзвый, хоть досель и пе бывало,
Чтобы съ танцами свой выходъ совершали дрожже-пѣвцы.

(Хоръ и карлики удаляются, танцуя).

ПРИМѢЧАНІЯ.*)

КОМЕДІЯ „ОСЫ" ПОСТАВЛЕНА ВПЕРВЫЕ НА АѲИНСКОЙ СЦЕНѢ ВЪ 422 Г. ДО Р. Х. НА ЛЕНЕЙСКОМЪ ПРАЗДНЕСТВѢ.

8. Корибанты — жрецы фригійской богини, великой матери боговъ Кибелы, или Реи, чествовали богиню шумной музыкой и изступленными плясками. *Ред.*

9. Сабацій—главное фригійское божество, вмѣстѣ съ Кибелою образующее верховную двоицу, у грековъ отождествлялся съ Діонисомъ. Празднества въ честь Сабація въ Аѳинахъ состояли въ уличныхъ оргіяхъ, денныхъ и ночныхъ, шумныхъ, пьяныхъ и непристойныхъ. *Ред.*

12. Намекъ на враждебныя отношенія персидскаго царя къ грекамъ.

19. Клеонимъ—часто осмѣиваемый Аристофаномъ трусъ, бросившій щитъ на полѣ битвы.

21. Между прочими развлеченіями во время пира у грековъ было въ обычаѣ разгадывать предлагаемыя загадки.

30. Въ текстѣ τὴν τρόπιν τοῦ πράγματος, т. е. киль дѣла.

35. Разумѣется Клеонъ, владѣлецъ кожевенныхъ мастерскихъ, вліятельный народный ораторъ и вождь въ періодъ 429—421 г.. Аристофанъ относился къ Клеону съ крайней враждебностью и въ комедіяхъ подвергалъ безпощадному бичеванію не только отрицательныя свойства его, какъ чело-

---

*) Примѣчанія сдѣланы къ словамъ или въ связи съ словами, которыя отмѣчены въ переводѣ разрядкой или ковычками. Большая часть примѣчаній заимствована изъ книги Aristophanis Vespae (ed. Richter 1858 г.), по которой сдѣланъ и самый переводъ. Кромѣ того пособіемъ служили: Ἀριστοφάνους κωμῳδίαι, rec. Bekkerus, vol II (Σχόλια εἰς τοὺς Σφῆκας) и III (Notae ad Vespas); Aristophanes von Seeger B. II (die Wespen). Baumeister, Denkmäler des klassischen Alterthums; Курціусъ, Исторія Греціи, т. 2-ой; Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей, ч. 1-ая и 2-ая и отчасти Любкеръ, Словарь классическихъ древностей (перев. подъ ред. Модестова) Переводчикъ ограничился примѣчаніями лишь необходимыми для пониманія именъ и терминовъ или условныхъ выраженій, воздерживаясь отъ всего, что могло бы безъ нужды отвлекать вниманіе читателя отъ хода комедіи.

вѣка и демагога (жестокость, наглую самоувѣренность, склонность къ хищенію), но и непривлекательную внѣшность и даже профессію.

40, 41. Въ текстѣ непереводимая игра созвучными выраженіями: ἵστη δημόν (вѣшалъ жиръ) и δῆμον διιστάναι (мутить народъ).

42. Θеоръ осмѣивается, какъ льстивый и корыстный поклонникъ власть имущихъ. Голова ворона—признакъ хищника.

44. О картавности извѣстнаго Алкивіада говоритъ и Плутархъ.

45. Соотвѣтствующая фраза текста: Θέωλος τὴν κεφαλὴν κόλακος ἔχει значитъ: «проклятый имѣетъ голову льстеца».

51. «Провалиться къ вóронамъ»—поговорка, равносильная нашей: «провалиться ко псамъ, къ чорту» и т. п.

57. Отличительные признаки мегарской комедіи, которые имѣются здѣсь въ виду: нелѣпость, грубость и однобразіе шутокъ.

59. По схоліасту, нѣкоторые поэты дѣйствительно прибѣгали къ орѣхамъ, чтобы привлечь и занять публику.

61. Аристофанъ, хотя и не включаетъ Еврипида и Клеона въ программу настоящей пьесы, тѣмъ не менѣе и здѣсь мимоходомъ высмѣиваетъ ихъ обоихъ.

74. Аминія, сына Пронапа, Аристофанъ осмѣиваетъ за то, что тотъ, не будучи богатъ, обладалъ раззорительными привычками, къ числу которыхъ можно отнести и пристрастіе къ азартнымъ его играмъ.

78. Сосій и Деркиллъ—какіе-то пьяницы.

81. Скамбониды—демъ, околотокъ Аттики. Нѣкій Никостратъ, происходившій изъ этого дема, былъ извѣстенъ богобоязненностью и суевѣріемъ.

83. Собакой клялись люди богобоязненные, не желавшіе упоминать боговъ всуе, и философы. Употребляя такую клятву, слуга намекаетъ здѣсь, очевидно, на Никострата.

84. Находящееся въ текстѣ собственное имя Φιλόξενος соотвѣтствуетъ по составу нашему слову «Гостелюбъ».

90. Судьи предпочитали первую скамью: виднѣе, слышнѣе и ближе къ выходу.

93. Водяные часы (клепсидра) представляли сосудъ опредѣленной мѣры, изъ котораго черезъ особое отверстіе внизу капала вода. Говорящій на судѣ долженъ былъ соразмѣрять свою рѣчь съ количествомъ назначенной для него влаги.

98. Греки имѣли обычай писать имена своихъ любимцевъ на стѣнахъ и дверяхъ. Демъ въ то время славился красотой и имѣлъ много поклонниковъ.

99. Въ текстѣ—κημός, что означаетъ собственно воронку баллотировочной урны.

106. Длинная черта, которую присяжный проводилъ грифелемъ или ногтемъ по имѣвшейся у него навосченой дощечкѣ, служила знакомъ обвиненія. Схоліастъ сообщаетъ, что подобныя отмѣтки дѣлались судьями послѣ подсчета шаровъ, когда выяснялось оправданіе или обвиненіе подсудимаго. Рихтеръ

(Arist. Vespae Proleg. p, 152 sq.) наоборотъ находитъ болѣе вѣроятнымъ, что отмѣтки на дощечкахъ судьи дѣлали еще во время разбора дѣла, до баллотировки.

109. Камешки морского берега служили для баллотировки и, быть можетъ, тождественны съ обычно употреблявшимися при судебномъ голосованіи цѣлыми шарами бѣлыми (оправдательными) и черными (обвинительными).

119. Разумѣются священныя пляски корибантовъ (въ текстѣ—ἐκορυβάντιζε), считавшіяся цѣлебными наравнѣ съ омовеніями, и признававшіяся таинствами (τελεταί).

123. На островѣ Эгинѣ находился храмъ бога врачеванія Асклепія, въ которомъ оставляли больныхъ ночевать въ надеждѣ на исцѣленіе.

126. Стоки для собиранія дождевой воды.

127. Всѣхъ отверстій, конечно, забить было нельзя; изъ послѣдующаго видно, что остались открытыми стокъ для грязной воды и дымовое отверстіе.

126. Такую вылазку старикъ могъ сдѣлать только изъ некрытой части дома, т. е. изъ внутренняго двора.

133, 134. Имена выдуманы: Филоклеонъ значитъ «сторонникъ Клеона», Бделиклеонъ—«ненавистникъ Клеона».

155. Простая шутка: невозможно вообще, а для беззубаго старика въ особенности,—отгрызть зубами замокъ, или—точнѣе—скрытую внутри механизма особую деревянную зацѣпку (βάλανος), какъ значится въ текстѣ.

157. О Драконтидѣ схоліастъ говоритъ, что это былъ какой-то негодяй, часто подвергавшійся наказаніямъ по суду.

167. См. примѣч. къ ст. 106.

171. Новолуніе—день большого базара.

181 и сл. Пародія на общеизвѣстный Гомеровскій разсказъ объ освобожденіи Одиссея изъ пещеры циклопа Полифема.

189. Филоклеонъ, по-видимому, держался головой къ хвосту.

191. Намекъ на извѣстную басню, осмѣивающую страсть аѳинянъ къ сутяжничеству.

195. Ослиное мясо греки употребляли въ пищу. Старикъ остритъ говоря о себѣ, какъ объ ослѣ.

210. Скіона, городъ Халкидики, въ 423 г. принялъ сторону спартанцевъ, за что, по настоянію Клеона, былъ осажденъ. Трудное дѣло закончилось взятіемъ города въ 421 г.

220. Симпатіи старыхъ судей тяготѣютъ къ древнему трагику Фриниху (конца VI и начала V в.). Въ числѣ его трагедій были «Финикіянки», которыя собственно и имѣются здѣсь въ виду (Сидонъ—финикійскій городъ).

231. Разумѣется крѣпкій ремень для привязыванія или повѣшенія собакъ.

233, 234. Контила и Флія—демы Аттики.

236. Византія была очищена отъ персовъ аѳинянами и спартанцами съ Павсаніей во главѣ болѣе, чѣмъ за 50 лѣтъ до постановки Осъ. Отсюда можно сдѣлать заключеніе о возрастѣ судей.

239. Значитъ, жили въ крайней нуждѣ, такъ какъ не имѣли ни дровъ, ни порядочной пищи.

240. Анахронизмъ: Лахетъ—,аѳинскій полководецъ посланный въ 427 г. въ Сицилію на помощъ леонтинцамъ противъ Сиракусъ, державшихъ сторону лакедемонянъ; былъ обвиненъ Клеономъ въ вымогательствахъ и утайкѣ денегъ еще въ 425 г.

243. «Гнѣвъ на три дня»—пародія на военный приказъ: «запастись продовольствіемъ на три дня».

280. Поговорка, равносильная нашей: «толочь воду».

283. О—въ Самъ отпалъ отъ аѳинянъ еще въ 441 г.

288. Когда пелопоннесская война была перенесена во Ѳракію, многіе города, принадлежавшіе тамъ къ аѳинскому союзу, стали переходить на сторону спартанцевъ. Вслѣдствіе этого аѳинянамъ часто представлялся случай возбуждать процессы противъ тамошнихъ гражданъ по обвиненію въ измѣнѣ. Преслѣдованію подвергались обыкновенно вліятельные и богатые люди, какъ державшіе сторону Спарты.

308. Въ текстѣ—πόρον Ἕλλας ἱερόν, т. е. Геллеспонтъ, въ которомъ утонула Гелла во время переправы на златорунномъ баранѣ. Въ приведенномъ выраженіи (приписываемомъ, кстати сказать, Пиндару) заключается намекъ на вѣрное средство покончить съ безвыходнымъ положеніемъ (утопиться) или на πόρον Ἑλλάδος, т. е. доходы Еллады, какъ предполагаютъ нѣкоторые. Если послѣднее предположеніе вѣрно, то мальчишка просто вышучиваетъ стариковъ за то, что они слишкомъ уповаютъ на казенное вознагражденіе за участіе въ судахъ и народныхъ собраніяхъ.

312, 313. По схоліасту, приблизительно такія слова были въ не дошедшей до насъ трагедіи Еврипида «Ѳесей»,; тамъ произносятъ ихъ дѣти, отданные на съѣденіе Минотавру.

314, 315. Изъ трагедіи Еврипида «Ѳесей».

325, 322. Людей бѣдныхъ, но тщеславныхъ и хвастливыхъ, какими были Проксенидъ и сынъ Селла Эсхинъ, называли дымомъ; поэтому старику кажется безразличнымъ, превратится ли онъ въ дымъ, или въ одно изъ указанныхъ лицъ.

330, 331. Описанъ одинъ изъ способовъ приготовленія рыбы. Подливка, съ которой ѣли печеную въ золѣ рыбу, дѣлалась изъ уксуса и соли.

337. Въ текстѣ каламбуръ: ὑφεσθε τοῦ τόνου значитъ: «спустите парусъ», «сдержите голосъ».

342. «Демологоклеонъ» значитъ: «говорящій передъ народомъ какъ Клеонъ», т. е. такой же обманщикъ и замаскированный тиранъ, какъ Клеонъ. Здѣсь устами хора говоритъ самъ авторъ, такъ какъ старики были сторонниками Клеона.

343. Народная масса зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы повинность снаряженія и содержанія военныхъ кораблей, падающая на богачей, къ которымъ причисляется здѣсь, очевидно, и Бделиклеонъ, исполнялась со всѣмъ усердіемъ.

349. При входѣ въ судъ выставлялись бѣлыя доски съ написанной на нихъ программой засѣданія.

355. Новое воспоминаніе о временахъ стародавнихъ: отпавшій отъ аѳинскаго союза Наксъ былъ занятъ аѳинянами за 45 лѣтъ до постановки Осъ.

367. Стихъ заимствованъ, вѣроятно изъ какой-нибудь любовной пѣсни.

369. Диктинна собственно богиня сѣтей, т. е. богиня охоты, Артемида.

377. «Декретъ»» вмѣсто ожидаемаго «мистеріи»—обмолвка, естественная въ устахъ завсегдатаевъ народнаго суда, какими были старики. Оскорбленіе мистерій Деметры и Персефоны каралось очень тяжело, и сутяги пользовались этимъ для запугиванія своихъ враговъ.

380. Въ текстѣ—τὴν ψυχὴν ἐμπλησάμενος Διοπείθους, что дословно значитъ: «исполнившись духа Діопейѳа». Діопейѳъ былъ ораторъ, отличавшійся смѣлостью.

389. Ликъ—древнѣйшій аттическій герой, братъ Эгея, родоначальникъ поколѣнія жрецовъ, завѣдывавшихъ мистеріями. Его изображенія ставились возлѣ мѣстъ судебныхъ засѣданій.

399. Въ нѣкоторыхъ праздничныхъ процессіяхъ носились вѣтви, обвитыя шерстью; по окончаніи торжества ихъ ставили на улицѣ при входѣ въ домъ. Слуга бьетъ Филоклеона именно такой вѣтвью.

401. Значенія именъ: Хремонъ—жадный, Тисіадъ—мститель, Ферeдейпнъ—бѣднякъ, Смикитіонъ—ничтожный.

421. О Горгіи ничего не извѣстно. Въ «Птицахъ» Аристофанъ бичуетъ разныхъ Горгіевъ и Филипповъ, между прочимъ за ихъ болтливость и безчестность.

436. Поговорка для обозначенія безсильнаго задора.

438. Кекропъ основатель Аѳинъ, изображался съ хвостомъ дракона, почему и названъ здѣсь Драконтидомъ.

440. Дословный переводъ этого стиха такой: «заставлялъ плакать четыре раза въ хиникъ». «Хиникъ» означаетъ и хлѣбную мѣру и кандалы (рабы иногда работали съ кандалами на ногахъ). Старикъ высказываетъ упрекъ, повидимому, серьезно, полагая, что дисциплина и трудъ, въ которыхъ онъ держалъ рабовъ, должна бы научить ихъ уважительно относиться къ старому господину.

450. Прежде чѣмъ бить, рабовъ крѣпко привязывали.

459 Объ Эсхинѣ, сынѣ Селлартія (Селла), см. ст. 326 и примѣч.

462. Филоклей—трагическій поэтъ, по словамъ схоліаста, безобразной наружности и жесткаго нрава. Каковы были его стихи, можно судить по ихъ воздѣйствію.

465. Словами «второй Аминій, косматый фатъ» пришлось передать

одно составное слово текста κομηταμυνία; оно значитъ собственно: «носящій длинные волосы, какъ Аминій». Мода эта была заимствована у спартанцевъ и общественнымъ мнѣніемъ аѳинянъ осуждалась.

474 и сл. Измѣну Бделиклеона хоръ видитъ въ его склонности къ спартанскимъ обычаямъ и спартанскому вождю Брасиду, побѣдоносно дѣйствовавшему въ то время противъ аѳинянъ на Ѳракійскомъ побережьѣ. Упоминаемая здѣсь бахрома представляла шерстяную оторочку вѣнка на затылкѣ.

480, 481. Болѣе дословно: «Дѣло не дошло ни до сельдерея, ни до руты, вставимъ это словцо въ три хиника». Сельдереемъ и рутой обыкновенно обсаживали сады по краямъ и «не дойти ни до сельдерея, ни до руты» значитъ: «не дойти до существеннаго», «ничего не добиться». Слово «въ три хиника»—слово дешевое, вульгарное, площадное.

485. Въ текстѣ ναυμαχεῖν,—быть можетъ, намекъ на какую-нибудь морскую битву.

491. Цѣны на соленую рыбу, весьма распространенный предметъ питанія, составляли постоянную злобу дня.

496—497. Сардель и особая порода лука (γήτειον) относились къ числу дорогихъ сравнительно лакомствъ. Подъ зеленщицей слѣдуетъ разумѣть торговку дешевыми овощами.

502. Ἱππίας напоминаетъ, ἱππεύς (всадникъ) ἱππάζεσθαι (ѣздить верхомъ) и т. п.

506. Морихъ—плохой трагическій поэтъ, осмѣиваемый чаще всего за изнѣженность.

511. Намекъ на положеніе подсудимыхъ передъ судьями.

520. Элладой называлась собственно средняя Греція. Здѣсь разумѣется цѣлый аѳинскій союзъ. Старики мнили себя вершителями судебъ всего союза.

525. По окончаніи пира участники совершали возліяніе благому божеству (быть можетъ, Діонису) изъ чистаго вина, вмѣсто котораго старикъ, думающій о судейской платѣ, неожиданно упоминаетъ деньги.

543. Вѣтконосъ—синонимъ дряхлости, такъ какъ ношеніе вѣтокъ въ праздничныхъ процессіяхъ возлагалось на ветхихъ стариковъ, къ другой роли непригодныхъ.

548. Т. е. съ самаго начала. Филоклеонъ выражается такъ, какъ будто ему предстоитъ состязаніе въ бѣгѣ.

565. Здѣсь Филоклеонъ представляетъ судей очень несчастными людьми, въ чемъ нельзя не видѣть противорѣчія съ тѣмъ, что онъ говорилъ въ началѣ своей рѣчи.

566. Здѣсь разумѣется не баснописецъ Эзопъ, а одинъ жалкій трагическій актеръ, своей игрой возбуждавшій въ публикѣ смѣхъ.

578. Физическій осмотръ молодыхъ людей производился иногда присяжными (напр. при опредѣленіи возраста въ сомнительныхъ случаяхъ).

579. Эагръ былъ выдающимся трагическимъ актеромъ.

580. Ніоба, не дошедшая до насъ трагедія, принадлежала Эсхилу (Софоклу?).

582. Рѣчь идетъ о флейтистѣ: для смягченія з.ука флейтистъ накладывалъ на губы особые ремни.

583. При отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ мужского поколѣнія отецъ могъ укрѣпить наслѣдство за дочерью, но она по закону была обязана выйти за-мужъ за ближайшаго родственника въ боковой линіи, или, при отсутствіи послѣдняго, за посторонняго человѣка, указаннаго завѣщателемъ. Если наслѣдство было значительно, то родственники затѣвали между собой процессы, доказывая или оспаривая близость родства. Процессы эти разбирались судомъ присяжныхъ.

584. Для большей сохранности прикрѣпленной шнуромъ къ документу печати ее вкладывали въ особый футляръ.

592. Эваѳлъ—ораторъ и шпіонъ. «Колаконимъ» передѣлано изъ «Клеонимъ»: первая часть имени κλέος (слава) обратилась въ κόλαξ (льстецъ).

599. Евфимій, личность неизвѣстная, осмѣивается на ряду съ Ѳеоромъ какъ льстивый человѣкъ.

609. Греки имѣли обыкновеніе держать мелкія деньги во рту.

615. Выраженія, заключенныя въ ковычки, принадлежатъ Гомеру.

634. Дословно: «онъ думалъ, что легко соберетъ плоды въ покинутомъ саду». Пословица

639. «Сужу» вмѣсто «живу (сижу)»—обмолвка, понятная въ устахъ судьи.

640. На островахъ Блаженныхъ, по вѣрованіямъ древнихъ грековъ, обитали умершіе герои: находились эти острова на крайнемъ западѣ, въ Океанѣ, и представляли своего рода рай.

650. До изображенія масокъ комическіе актеры гриммировали себѣ лицо дрожжами.

652. Обращеніе заимствовано изъ Гомера

659. Изъ перечисляемыхъ ниже статей дохода требуютъ поясненія статьи судебная и арендная: къ первой относились судебныя пошлины и штрафы, ко второй—платы за арендуемыя частными лицами казенныя недвижимости

662. По словамъ Аристофана, въ Аттикѣ можно было набрать не болѣе 6000 присяжныхъ. Если изъ общаго количества гражданъ исключить всѣхъ, не достигшихъ 30-лѣтняго возраста (или не имѣвшихъ права быть присяжными), затѣмъ дряхлыхъ стариковъ и всѣхъ, занятыхъ военной и гражданской службой, далѣе—отлучившихся за предѣлы страны и больныхъ, наконецъ состоятельныхъ гражданъ, желавшихъ и имѣвшихъ возможность уклониться отъ судебной повинности подъ разными законными предлогами, то 6000 присяжныхъ могли разматриваться какъ все аѳинское гражданство. *Ред.*

675. Коннъ былъ киѳаристъ. Онъ одержалъ побѣду на олимпійскихъ состязаніяхъ и былъ учителемъ Сократа, но подъ старость по своей винѣ впалъ въ такую бѣдность, что его имя стало синонимомъ нищаго

и убожества. Отсюда—ироническая поговорка: «пирожное Конна». «Шаръ» (вмѣсто пирожнаго) явился здѣсь, вѣроятно, потому что рѣчь идетъ о судьяхъ.

680. Евхаридъ—мелочной торговецъ; его имя значитъ «благосклонный», какъ бы въ контрастъ съ враждебностью и пренебреженіемъ союзниковъ и демагоговъ къ аѳинскому народу.

687. Схоліастъ замѣчаетъ, что даже право гражданства Херея было подъ сомнѣніемъ.

715 и сл. Евбея, большой островъ, сосѣдній съ Аттикой, изобиловалъ хлѣбомъ, казался аѳинянамъ обѣтованной землей, къ завоеванію которой склоняли ихъ демагоги. За годъ до представленія Осъ туда была отправлена экспедиція, но результатъ оказался ниже ожиданій; вмѣсто пшеницы граждане получили ячмень, и не по 50 мединновъ на человѣка, а только по 5-ти; выдача ихъ производилась не заразъ, а по хиниху въ день ($=\frac{1}{48}$ медимна$=\frac{2}{5}$ гарнца), при чемъ нѣкоторымъ гражданамъ, гражданскія права которыхъ были мало-мальски сомнительны, приходилось доказывать, что они подлинные граждане.

751, 756, 757, 762—763. Слова въ ковычкахъ, принадлежатъ вѣроятно Еврипиду.

771, 772. Въ текстѣ εἵλη (=ясная погода), ἡλιάσει (=будешь судить), πρὸς ἥλιον (=на солнцѣ)—игра словъ. Сопоставленіе ихъ могло внушить забавную мысль, что ἡλιάζω и ἥλιος родственныя слова, т. е. что судебныя засѣданія происходили на солнцѣ подъ открытымъ небомъ, чего въ дѣйствительности не было. Шуточной смыслъ мѣста подчеркнутъ въ текстѣ словомъ εὐλόγως (въ переводѣ: «какъ оно и должно быть»).

773. Выраженіе ἐὰν δὲ νίφῃ, πρὸς τὸ πῦρ καθήμενος ὕοντος, εἴσει: представляетъ по синтаксическому построенію не вполнѣ понятное мѣсто. Форму εἴσει большинсто комментаторовъ возводитъ къ οἶδα (sc. τὴν δίκην); согласно съ этимъ сдѣланъ и переводъ, вопреки мнѣнію Рихтера, считающаго εἴσει формой глагола εἴσειμι.

787. Лисистратъ у Аристофана—развратникъ, зубоскалъ и льстецъ.

794. Древніе думали, что желудокъ пѣтуха способенъ переваривать металлы.

799. Нижеприводимый оракулъ, конечно, сочиненъ Аристофаномъ въ насмѣшку надъ пристрастіемъ аѳинянъ къ тяжбамъ.

804. Въ честь Гекаты, подземной богини чаръ и заклинаній, весьма почитаемой въ народѣ; на площадяхъ и перекресткахъ, а также возлѣ домовъ ставились колонки или небольшія часовеньки съ ея изображеніями.

846. При совершеніи жертвъ и всякаго важнаго дѣла греки начинали и кончали молитвами и дарами богинѣ очага Гестіи.

875. На улицахъ передъ дверьми домовъ въ честь Аполлона Агіея греки ставили колонки въ видѣ маленькихъ пирамидъ или его бюсты. Агіей значитъ: «дорожный», т. е. хранитель дорогъ и улицъ, хранитель путниковъ.

895. Процессъ собакъ, представляя каррикатуру на аѳинскія судебныя засѣданія, затрогиваетъ кромѣ того Клеона и Лахета. Подъ псомъ изъ

Кидаѳинскаго участка разумѣется Клеонъ, происходившій изъ того же участка, а подъ Лабетомъ (имя значитъ «хапуга»)—полководецъ Лахетъ, землякъ Лабета (тоже изъ Эксонскаго дема). О судебномъ преслѣдованіи, возбужденномъ противъ Лахета Клеонимомъ см. примѣч. къ ст. 240.

909. Стоящее въ текстѣ ῥυππαπαῖ представляетъ собственно припѣвъ гребцовъ во время общей работы. Аристофанъ превратилъ это слово въ существительное для обозначенія корабельной команды. Сыръ былъ обычной пищей матросовъ.

924—926. Чтобы приготовить сыръ, творогъ растирали въ особой ступкѣ съ примѣсью приправъ. Верхній слой. сыра представлялъ скользкую оболочку, σκῖρον; то же слово значитъ еще «гипсъ», «замазка» (въ послѣднемъ смыслѣ и понялъ его Филоклеонъ). Подъ ступкой разумѣется Сицилія. Упоминая о верхнемъ слоѣ сыра, Аристофанъ устами Ксанѳія хочетъ сказать, что Лахетъ ограбилъ города приморскіе, составляющіе какъ бы верхній, крайній слой острова.

927, 928. Пародія на греческую поговорку: «въ одномъ кусту не уживаются два скворца» (у насъ:—«два медвѣдя въ одной берлогѣ»).

947. Ѳукидидъ, сынъ Мелесія, одно время стоялъ во главѣ аѳинской аристократической партіи, но былъ оттѣсненъ Перикломъ и изгнанъ въ 444 г. до Р. Х.

950, 951. Пародія на ораторскій приступъ.

952. Подъ волками разумѣютъ шпіоновъ (сикофантовъ).

955. Подъ стадомъ можно разумѣть въ данномъ случаѣ войско.

959. Пародія на пословицу: «хожу пѣшкомъ, а плавать не ученъ». Бделиклеонъ, хочетъ, вѣроятно, сказать, что его кліентъ обладаетъ достоинствами воина, но недостаточно образованъ, чтобы красно говорить.

965. Указаніе на раздачу растраченныхъ денегъ солдатамъ или народу; по словамъ схоліаста, дѣйствительно это практиковалось должностными лицами въ цѣляхъ сомооправданія, когда они давали отчетъ въ расходованія общественныхъ суммъ.

967—972. Намекъ на полную лишеній, бивуачную жизнь Лахета съ одной стороны и дѣятельность Клеона въ Аѳиннахъ—съ другой.

975. Бделиклеонъ представляетъ дѣло такъ, какъ будто передъ нимъ сидитъ не одинъ судья, а цѣлая дикастерія.

980. «Долой» (κατάβα)—обычный возгласъ судей, когда они считали защиту убѣдительной и склонялись на милость; но этотъ возгласъ не всегда велъ за собою оправданіе.

987. При баллотировкѣ въ судахъ употреблялись шары черные или просверленные—обвинительные, и бѣлые или цѣльные—оправдательные. Урнъ было двѣ: мѣдная (въ даномъ случаѣ ее замѣняетъ первая кружка)и деревянная (вторая кружка). Судья получалъ два шара и оба клалъ по урнамъ, при чемъ приговоръ опредѣлялся только тѣми шарами, которые оказались въ мѣдной урнѣ. Бделиклеонъ подаетъ отцу обвинительный шаръ и предлагаетъ положить его во 2-ую (вѣроятно, стоявшую дальше) кружку, т. е. оправдать собаку.

1006. Гиперболъ—вліятельный ораторъ, извѣстный низкими интригами противъ выдающихся личностей своей эпохи.

1018. Съ первыми своими пьесами Аристофанъ выступалъ подъ именами другихъ извѣстныхъ комиковъ (Филоннда, Каллистрата).

1019. Эвриклей—жрецъ и чревовѣщатель.

1021. Въ первый разъ выступилъ Аристофанъ самостоятельно съ комедіей «Всадники».

1025. Здѣсь видятъ намекъ на комика Евбулида, сильнаго соперника Аристофана. Палестры—мѣста для гимнастическихъ состязаній. Сюда обыкновенно собиралось большое количество зрителей.

1031. Зубастая собака—Клеонъ, осмѣянію котораго поэтъ посвятилъ цѣлую пьесу («Всадники»).

1032. Кинна—продажная женщина: взглядъ ея бестыжій и наглый.

1035. Ламія—двухполое чудовище, нѣчто въ родѣ домового и вѣдьмы вмѣстѣ.

1038. Указаніе на какую-то неизвѣстную намъ комедію.

1042. Архонтъ полемархъ вѣдалъ дѣла, касающіяся культа и иностранцевъ, но кто и по какому дѣлу «въ попыхахъ къ полемарху бѣжалъ», въ данномъ случаѣ не извѣстно.

1046. Т. е. при представленіи каждой его пьесы, сопровождавшемся, согласно обычаю, жертвоприношеніемъ въ честь Діониса.

1062. Старики желаютъ вѣроятно сказать, что въ молодости они не обладали достоинствами строгихъ судей.

1074. «Чуждый музъ» значитъ: «не получившій образованія. Выраженіе принадлежитъ Еврипиду.

1078. Разумѣется персидское нашествіе.

1086. Сова была посвящена Аѳинѣ, покровительницѣ Аѳинъ.

1087. Имѣется въ виду ширина азіатскихъ шароваръ. Тунецъ—рыба, добываемая острогой. Сравненіе азіатскихъ шароваровъ съ тунцами принадлежитъ Эсхилу (трагедія «Персы»).

1108, 1109. Архонты и «одиннадцать» (чиновниковъ, представителей исполнительной власти) имѣли предсѣдательство въ судебныхъ засѣданіяхъ. Одеонъ иногда служилъ мѣстомъ засѣданія соединенныхъ дикастерій, но что касается остальныхъ упомянутыхъ здѣсь мѣстъ судебныхъ засѣданій (при архонтѣ, при одиннадцати, возлѣ стѣнъ), то самая неточность обозначенія даетъ основаніе, согласно съ схохіастомъ (которому слѣдуетъ и Рихтеръ) думать, что судьи готовы были исполнять свои обязанности, гдѣ угодно, лишь бы судить.

1114. Подъ трутнями разумѣютъ демагоговъ.

1124. Подъ бореемъ можно разумѣть или дѣйствительную бурю (случившуюся въ началѣ 2-го персидскаго похода въ 480 г.), или само персидское войско, надвигавшееся съ сѣвера.

1131. Трибоній—короткій плащъ изъ грубой матеріи, одежда бѣдняковъ.

1138. Сисира—плащъ изъ грубыхъ шкуръ Этотъ родъ одежды изготовлялся въ аттическомъ демѣ Тиметады. Каунакъ былъ изъ мохнатой матеріи, напоминавшей мѣхъ.

1139. Сарды, главн. городъ Лидіи, мѣсто вывоза, а Екбатаны—мѣсто производства плащей

1143. Если этотъ стихъ понятъ правильно, то шуба Мориха была не персидскаго происхожденія. О Морихѣ см. прим. къ ст. 506.

1144. Въ текстѣ κρόκης χόλιξ т. е. «(воловья) кишка утока», сочетаніе словъ неудобопонятное. Быть можетъ, именно мохнатые и толстые концы утока, висѣвшіе бахромой на подолѣ плаща, представляются Бделиклеону похожими на кишки, обмотанныя шерстью.

1147. Нельзя не отмѣтить очень высокой стоимости матеріала (около 1 500 р.).

1158. Лакониками назывались лаконскіе башмаки.

1159, 1160. Здѣсь видятъ пародію на трагическій стиль (Еврипида).

1162. Подъ Лаконикой слѣдуетъ разумѣть и башмакъ, и страну.

1169. Въ текстѣ διασαλακώνισον. На это слово имѣется нѣсколько конъектуръ и объясненій. Весьма вѣроятно, что это слово произведено отъ имени нѣкоего Салакона, отличавшагося манерной вертлявостью, и «салаконить» значитъ «манерничать».

1173. Старикъ шутитъ, представляя на себѣ дѣйствій пластыря.

1178. О Кардотонѣ ничего не извѣстно.

1183. Ѳеогенъ осмѣивался за бѣдность и чрезмѣрную циничность.

1185. Если даже циничный Ѳеогенъ могъ возстать противъ сказки о мышахъ и хорькахъ, то содержаніе ея (намъ неизвѣстное) было, значитъ, крайне непристойно.

1187. Здѣсь идетъ рѣчь о священномъ посольствѣ на празднества, которое снаряжалось именемъ и средствами государства. Въ составъ такого посольства выбирались лица именитыя, какими и были Андроклъ, выдающійся демагогъ, уронившій значеніе Алкивіада, и Клисѳенъ, извѣстный законодатель демократіи; но публикѣ при взглядѣ на старика, только что разставшагося съ своими лохмотьями, приходили на память другія ей извѣстныя лица подъ тѣми же именами: это—Андроклъ, попрошайка и плутъ, и женоподобный Клисѳенъ, часто служившіе мишенью для остроумія комиковъ.

1188. Быть можетъ, здѣсь разумѣется походъ Мильтіада противъ о-ва Пара, состоявшійся вскорѣ послѣ Мараѳонской битвы. Филоклеонъ, судя по возрасту, могъ участвовать въ этомъ походѣ, но только, какъ видно, въ качествѣ простого солдата съ суточнымъ содержаніемъ въ 2 обола. Шутливо называя этотъ походъ играми, старикъ какъ будто хочетъ сказать, что получалъ свое жалованье даромъ.

1190, 1191. Ефудіонъ и Асконда—не извѣстны; это были, по всей вѣроятности, люди слабосильные и неповоротливые. Панкратій — состязаніе, представлявшее соединеніе кулачнаго боя и борьбы.

1198. Любители похвастаться дѣлали это чаще передъ людьми пріѣзжими.

1201. Ергасіонъ—имя земледѣльца. Подпорки, о которюмъ здѣсь говорится, предназначались для винограда.

1206. Фаиллъ былъ извѣстный бѣгунъ, побѣждавшій на олимпійскихъ играхъ. Съ этимъ именемъ былъ и воръ (значитъ, тоже своего рода бѣгунъ).

1209. Ходъ пиршествъ былъ именно таковъ, какъ онъ описанъ ниже: полулежа на софахъ, гости занимались сперва пріятными для хозяина разговорами, потомъ умывали руки, обѣдали, вновь умывались и наконецъ совершали возліянія. Послѣ этого подъ звуки флейты начиналась попойка, сопровождавшаяся пѣніемъ гостей.

1219. Фанъ—по профессіи писецъ, а по значенію имени—«доносчикъ».

1220. Акесторъ—плохой трагическій поэтъ, гражданскія права котораго были сомнительны, на что и намекается словами: «и еще другой» etc. Компанія—въ общемъ не почтенная: около Клеона группируются доносчикъ, хвастунъ (Эсхинъ), льстецъ (Ѳеоръ) и двое людей сомнительнаго происхожденія.

1221. Софы вокругъ стола располагались такъ, что изголовье одного гостя примыкало къ изголовью другого, а ноги каждой такой пары гостей приходились рядомъ съ ногами ихъ сосѣдей; такимъ образомъ у каждаго оказывалось два сосѣда: одинъ—со стороны головы, другой—со стороны ногъ.

1223. Въ текстѣ Διακρίων, т. е. изъ Діакрійцевъ. Діакрія—горная область Аттики, въ предѣлахъ которой находился Мараѳонъ. Какъ вѣроятный участникъ мараѳонскаго дѣла, старикъ могъ слышать пѣсни горцевъ и, какъ видно, восхищался ими. Однако высказывать о нихъ высокое мнѣніе въ эпоху Аристофана значило обнаруживать устарѣлый вкусъ.

1225. Гармодіонъ—застольная пѣсня въ честь Гармодія, убійцы правителя Гиппарха. Застольныя пѣсни пѣли въ такомъ порядкѣ: одинъ ктонибудь начиналъ и пѣлъ, сколько хотѣлъ; когда онъ умолкалъ, другой продолжалъ его пѣсню, если она не была окончена, или начиналъ свою и т. д.

1235 и предыд. стихи—изъ Алкея (лирическаго поэта конца VII в. до Р. Х.); они были направлены противъ одного митиленскаго тирана.

1239. Начало застольной пѣсни, въ цѣломъ неизвѣстной намъ, принадлежащей вѣроятно тому же Алкею. Адмету, царю Феръ (въ Ѳессаліи), боги обѣщали безсмертіе, если кто-нибудь согласится умереть за него. «Добрымъ другомъ», согласившимся умереть за него, была жена его Алкестида. Льстивый характеръ пѣсни вполнѣ къ лицу Ѳеору.

1241, 1242. Продолженіе застольной пѣсни выдумано Филоклеономъ; въ дѣйствительности 2-й стихъ ея, приводимый Фліастомъ, въ русскомъ переводѣ таковъ: «а трусовъ избѣгай, такъ какъ отъ нихъ мало радости».

1245. Начало новой застольной пѣсни, намъ неизвѣстной и вполнѣ приличной обѣднѣвшему моту Эсхину. Клейтагора—поэтесса изъ Ѳессаліи (или

изъ Спарты). Замѣчаніе схоліаста о томъ, что ѳессалійцы помогли когда-то аѳинянамъ изгнать тирановъ, не объясняетъ намъ, зачѣмъ здѣсь упомянуты эти ѳессалійцы. Отвѣтъ Филоклеона опять сочиненъ.

1250. Филоктемонъ былъ извѣстенъ, какъ неисправимый гуляка.

1251. Хрисъ—имя раба. Пиръ предстоитъ въ складчину.

1259. Различіе между Эзоповыми и сибаритскими баснями въ точности не выяснено. По схоліасту Эзоповы басни трактовали о четвероногихъ, а сибаритскія—о людяхъ и носили отпечатокъ политическій.

1267. Аминій, сынъ Пронапа (см. ст. 74) названъ здѣсь сыномъ Селла (каковымъ былъ Эсхинъ), вѣроятно, умышленно: Аристофанъ хочетъ сказать, что эти два лица другъ друга стоятъ. Прозванію «Завитушкинъ» соотвѣтствуетъ въ текстѣ οὑκ τῶν Κρωβύλου, т. е. одинъ изъ семьи (породы) Кробила, а κρώβυλος, какъ имя нарицательное, значитъ собственно: «хохолъ», «завитки» (прическа франтовъ—аристократовъ).

1269. Леогоръ славился расточительностью.

1270. Антифонтъ—извѣстный, но крайне бѣдный ораторъ.

1271. Какъ члену посольства, при томъ же человѣку знатнаго происхожденія, Аминію слѣдовало бы вращаться въ обществѣ ѳессалійской аристократіи, но это было ему не по карману. О посольствѣ см. Курціусъ, Исторія Греціи, т. II, стр. 407.

1275. Автоменъ, плохой трагическій поэтъ. Все сказанное о его сыновьяхъ—иронія.

1283. Далѣе въ текстѣ выпущена цѣлая антистрофа въ 10 строкъ и въ пѣснѣ хора не достаетъ одной (первой) строки.

1285. Извѣстно, что Клеонъ старался отплатить Аристофану судебнымъ преслѣдованіемъ.

1290. Быть можетъ, Аристофанъ намекаетъ на Облака, гдѣ онъ не задѣваетъ Клеона.

1291. Виноградъ остался безъ подпорокъ (у насъ: «остаться съ носомъ»).

1297, 1298. Въ текстѣ—игра созвучными словами: παῖ (рабъ, дитя), и παίω (бью).

1301, 1302. Объ Антифонтѣ бѣднякѣ и Лисистратѣ, зубоскалѣ, упоминалось выше (ст. 787 и 1270). Гиппилъ, Ликонъ и Ѳуфрастъ—не извѣстны; это были, вѣроятно, прихлебатели бѣдные, но съ гоноромъ. Фринихъ, быть можетъ, трагическій актеръ.

1309. Въ текстѣ νεοπλούτῳ τρυγί, т. е. (похожъ) на дрожжи (осадки, подонки), только-что разбогатѣвшій (по нашему: «изъ грязи—въ князи»).

1312. Намекъ на прожорливость.

1313. Сѳенелъ—трагическій актеръ. О немъ говорили, что отъ нужды онъ продалъ однажды свой театральный костюмъ.

1342, 1343. Держащаяся за «жгутъ» флейтистка напоминаетъ старику жука, привязаннаго на нитку (извѣстная дѣтская забава).

1346. Въ текстѣ λεσβιεῖν. Схоліастъ говоритъ по этому поводу: οἱ Λέσβιοι αἰσχρουργοῦσι τῷ στόματι μολυνόμενοι.

1352. Флейтистка была рабочией.

1354. Въ текстѣ κυμινοπριστοκαρδαμογλύφος, т. е. человѣкъ старающійся разрѣзать зерна перца и тмина (чтобы не расходовать цѣльныхъ сѣмянъ), иными словами, скряга, выжига.

1363. Въ текстѣ πρὸ τῶν μυστηρίων. По мнѣнію Берглерла, которому слѣдуетъ и Рихтеръ, это значитъ: «до посвященія въ мистеріи», что равносильно въ данномъ мѣстѣ выраженію: «въ томъ возрастѣ, когда не допускаютъ до посвященія въ мистеріи», т. е. когда Филоклеонъ былъ моложе, чѣмъ теперь. Изъ всей болтовни опьянѣвшаго старика можно дѣйствительно заключить, что онъ воображаетъ себя юношей, моложе своего сына, у котораго онъ по этому будто бы и состоитъ подъ опекой (ср. ст. 1355).

1365. Бделиклеонъ закончилъ фразу неожиданно словомъ «гробъ», намекая, вѣроятно, на возрастъ отца.

1371. Флейтистки были большею частью изъ Дарданіи (въ Малой Азіи).

1372. Здѣсь разумѣются богини Деметра и Персефона, таинственное служеніе которымъ совершалось по ночамъ съ факелами.

1273. Въ текстѣ—ἐστιγμένον въ двусмысленномъ значеніи. Свѣтильники у грековъ раскрашивались и украшались.

1396. Торговка клянется Деметрой и Персефоной. Миртія—ея имя.

1403—1405. Отвѣтъ Эзопа Филоклеонъ сочинилъ самъ сообразно съ данными обстоятельствами.

1408. Истецъ вызывалъ на судъ отвѣтчика въ присутствіи свидѣтеля (понятого).

1410. Симонидъ изъ Кеоса и Ласъ изъ Герміоны (въ Арголидѣ) оба лирическіе поэты, соперники. Время ихъ процвѣтанія—конецъ VI и начало V вѣка.

1413. Херефонтъ, другъ и ученикъ Сократа, былъ желтъ будто бы отъ усиленныхъ умственныхъ занятій. Несчастная исторія Ино, мачихи Фрикса и Геллы, была изображена Еврипидомъ въ не дошедшей до насъ трагедіи «Ино», гдѣ героиня выведена блѣдной, измученной.

1432. Питталъ—врачъ.

1438. Дѣва—Персефона.

1446. Старикъ воображаетъ себя въ положеніи Эзопа, влекомаго на казнь. Дельфійцы, разсерженные назойливыми насмѣшками Эзопа, которыми онъ донималъ ихъ за то, что они не воздѣлывали земли, а тунеядствовали около Дельфійскаго святилища,—подложили въ его вещи чашу изъ храма Аполлона и, обвинивъ въ святотатствѣ, рѣшили сбросить его со скалы. Когда его тащили къ мѣсту казни, онъ сказалъ имъ басню о жукѣ такого содержанія: орелъ уничтожалъ у жука его потомство; жукъ отомстилъ ему тѣмъ, что выкатилъ изъ гнѣзда его яйца, которыя и разбились. Тогда орелъ полетѣлъ къ Зевсу съ жалобой. Зевсъ утѣшалъ орла тѣмъ, что позволилъ ему положить яйца къ себѣ за пазуху. Но жукъ и тутъ не оставилъ своей мести: онъ сталъ летать около Зевса и до того надоѣлъ богу своимъ жужжаніемъ, что тотъ не утерпѣлъ и вскочилъ, чтобы поймать нахала. Въ этотъ моментъ яйца выкатились и разбились.

1475. Вся нижеслѣдующая сцена—насмѣшка надъ трагическими поэтами; дѣйствующія лица, главнымъ образомъ Филоклеонъ, говорятъ здѣсь напыщенной рѣчью трагиковъ, примѣшивая сюда вульгарныя выраженія и выходки. Слово «вкатилъ» содержитъ намекъ на употреблявшійся трагиками выдвижной балконъ (ἐκκύκλημα).

1477. Старикъ услышалъ флейту хора.

1479. Өеспидъ—поэтъ, родоначальникъ трагедіи, VI в. до Р. Х.

1489. Чемерицу древніе считали цѣлебнымъ средствомъ отъ сумасшествія.

1490. Фринихъ, по Рихтеру, скорѣе какой-то циничный плясунъ, чѣмъ прославленный трагическій поэтъ.

1501. Каркинъ—плохой трагическій поэтъ. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ одинъ былъ также трагическимъ поэтомъ, а трое остальныхъ—хористами трагедіи. Нарицат. каркинъ значитъ: «морской ракъ».

1537. Съ танцами удалялся со сцены обыкновенно только трагическій хоръ.